

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ОДРИ КАРЛАН

CALENDAR GIRL

*лучше быть,
чем казаться*

18+

ИЮЛЬ / АВГУСТ / СЕНТЯБРЬ

Annotation

Все очень просто. Мне нужен миллион долларов. Именно столько я должна заплатить за жизнь своего отца. Я готова исполнить роль шикарного эскорта для каждого, кто может позволить себе выложить \$100,000 за месяц в моем обществе. В июле я буду сниматься в клипе самого горячего хип-хоп-певца Америки, в августе – изображать вновь обретенную сестру техасского нефтяного магната. А в сентябре я вернусь домой, в Лас-Вегас, ведь жизни многих моих любимых окажутся под угрозой. Правило третье: «Лучше быть, чем казаться!»

Одри Карлан

Calendar Girl. Лучше быть, чем казаться

© Calendar Girl – July / August / September by Audrey Carlan, 2015

Copyright © 2015 Waterhouse Press, LLC

© Зонис Ю., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящения

Июль

Роза Маканулти

Июль посвящается тебе, моя пуэрториканская принцесса. Спасибо тебе за то, что пуэрториканский диалект и особенности культуры Пуэрто-Рико в этой книге аутентичны и соответствуют духу персонажей. Спасибо тебе за то, что ты потрясающий член моей команды и группы поддержки, но больше всего за то, что ты мой друг. BESOS, Ангел.

Август

Кэтти Маклин Биль

Август посвящается тебе.

В море чужаков ты отыскала меня, предложила мне свою дружбу, улыбку и острейшее чувство юмора. Я никогда не забуду того, насколько запоминающейся Ты сделала мою первую встречу с коллегами. Ни за что на свете... я не забуду тебя.

Сентябрь

Кэрин Рома

Сентябрь посвящается тебе, моя австралийская подружка. Твои рецензии всегда честны, неважно, понравилась тебе книга или нет. И тем не менее ты никогда не переставала верить в меня.

В конце концов я считаю, что конструктивная критика заставляет меня работать больше и стремиться к лучшему. Ты делаешь меня лучше.

Спасибо тебе, Ангел.

Светловолосая. Голубоглазая. Высокая. Богиня. Иисус и все его присные! Вселенная, должно быть, хохотала надо мной во весь голос, пока я стояла, как столб, разглядывая эту женщину модельной внешности. Выглядела она словно до возмущения идеальная сестренка Рейчел, а ведь я считала, что у Рейчел потрясающая внешность. А вот и нет. Стопроцентная промашка.

Женщина стояла рядом с отполированным до блеска «Порше Бокстер» и переминалась с ноги на ногу, как будто сильно нервничала. Пальцами она громко отбивала ритм по табличке с моим именем, которую держала в руках. А то, как она переминалась с ноги на ногу на высоченных шпильках, лишь придавало больше остроты яростному нетерпению, которое излучала вся ее фигура. С другой стороны, может, всему виной была жара Майами. Господь Всеблагий, тут можно было захлебнуться в собственном поту, однако эта блондинка выглядела безупречно, как будто шагнула в аэропорт напрямую из видеоклипа для какой-нибудь рок-композиции. Джинсы в обтяжку, настолько узкие, что выставляли на всеобщее обозрение аппетитные полукружия ее попки. А при виде ее майки у меня так и потекли слюнки – монограмма, пересекавшая парочку внушительных сисек, гласила: «Обними меня и умри». Стройную шею незнакомки украшал по меньшей мере десяток ожерелий разных размеров и с бусинами разной величины. Еще у нее была зашибенская прическа – локоны и свободные пряди, убранные назад и уложенные в сложную конструкцию в лучшем стиле рок-шик.

После того как я пялилась на нее по меньшей мере несколько минут – или так мне показалось, – она остановила на мне взгляд своих серо-голубых глаз. Шумно выдохнув, женщина зашвырнула картонку в окно машины и резво направилась ко мне. Она оглядела меня с головы до ног, начиная с распущенных черных волос и до сарафана и пары простых балеток на немаленького размера ступнях.

– Не пойдет от слова «совсем», – безнадежно тряхнув головой, заявила незнакомка. После чего развернулась и бросила мне через плечо:

– Поехали, время – деньги.

Багажник распахнулся, и я швырнула туда свой чемодан.

– Кстати, я Миа, – сказала я, протягивая ей руку.

Блондинка нацепила пару ультракрутых очков-авиаторов, развернулась и взглянула на меня поверх них.

– Я знаю, кто ты. Это я тебя выбрала.

В ее тоне прозвучала явная нотка отвращения. Женщина завела машину и вдавила в пол педаль газа, даже не дожидаясь, пока я пристегнусь. Меня бросило вперед, так что пришлось упереться руками в обтянутую кожей приборную панель.

– Я чем-то тебя разозлила? – спросила я, поправляя ремень безопасности и глядя на профиль блондинки.

Она медленно выдохнула и тряхнула головой.

– Нет, – со стоном произнесла девушка. – Прошу прощения. Меня разозлил Антон. Я занималась важными делами, когда он заявил, что я должна поехать за тобой – потому что ему нужен наш водитель, чтобы оттрахать парочку фанаток на заднем сиденье «Эскалейд».

Я поморщилась. Просто великолепно – похоже, моим боссом в грядущем месяце будет

вонючий козел. *Только не снова.*

– Паршиво.

Она быстро свернула вправо, на шоссе.

– Можем начать знакомство заново? – спросила моя спутница, на сей раз искренним и виноватым тоном. – Я, кстати, Хизер Рени, персональный помощник Антона Сантьяго. Самого горячего хип-хоп-певца в стране.

– В самом деле?

Ничего себе. Я не догадывалась, что он настолько известная фигура. Я не слишком часто слушаю хип-хоп. Скорей, альтернативный или женский рок.

– Ага, – кивнула Хизер. – Все альбомы, которые он выпустил, стали платиновыми. Он «золотой мальчик» хип-хопа и, черт возьми, прекрасно об этом знает.

Тут она ухмыльнулась и добавила:

– Антон хочет сразу с тобой встретиться, но ты не можешь явиться к нему в этом.

Ее взгляд скользнул по моему простому зеленому сарафану. Сарафан подчеркивал цвет моих глаз, и волосы с ним выглядели просто шикарно. К тому же он был удобен в поездке.

– Почему нет? – спросила я, одергивая подол платья и чувствуя внезапное смущение.

– Антон ожидает увидеть модель – секс-бомбу с безумно аппетитными формами.

Тут она снова окинула взглядом мое одеяние.

– С формами все в порядке, но такое платье пойдет разве что Сандре Буллок в роли соседской девчонки. Тебе придется выбрать один из тех комплектов, что я для тебя купила. В доме тебя ждет целый гардероб, набитый шмотками. Надень их. Антон ожидает, что твой вид будет ласкать глаз в любой момент.

Нахмурившись, я сосредоточилась на видах за окном. «Порше» ехал по Оушен-драйв. Мимо проносились здания в стиле арт-деко, обращенные фасадами к необъятным просторам Атлантики.

– Так вода по обе стороны? – спросила я, когда мы проезжали один из больших мостов.

Хизер махнула рукой.

– С одной стороны – залив Бискейн, с другой – Атлантический океан. Как видишь, – сказала она, указывая на группы высотных зданий, – здесь в основном гостиницы типа колониального отеля и прочих знаковых достопримечательностей. Ну и, естественно, персонажи...

Девушка заломила бровь.

– ...типа Антона, которые могут позволить себе тут жить.

«Порше» несся по дороге, ветер трепал мои волосы. Разглядывая каждое пролетающее мимо здание, я заметила множество ярких цветов в сочетаниях, почти не встречавшихся мне раньше. В Вегасе все либо бурое, либо кирпично-красное. В Лос-Анджелесе можно увидеть целую палитру от снежно-белого до разных приглушенных оттенков, соответствующих духу Калифорнии. Однако здесь я обнаружила настоящее буйство красок: бледно-оранжевый, синий и розовый в сочетании с белым.

– Видишь все эти дома?

Она высунула руку в окно навстречу ветру, указывая на гостиницы вроде колониального отеля и Бульвар-отеля. Я кивнула и перегнулась через Хизер, чтобы получше их рассмотреть.

– На ночь во всех включают неоновую подсветку. Типа как в Вегасе.

Вегас. Уверена, что сердце у меня забилось чаще, а глаза широко распахнулись. Внезапно я ощутила острую необходимость позвонить Мэдди и Джинель. Боже, Джин из

себя выйдет, когда я расскажу ей о том, что случилось в Вашингтоне. Может, удастся вообще не поднимать эту тему? Идея, определенно, была стоящая.

– Здорово. Я родом из Вегаса, так что приятно будет посмотреть на подсветку.

Я откинулась на спинку сиденья, позволяя свежему ветерку выдуть из меня напряжение, накопленное за месяц жизни в Вашингтоне и в Бостоне, где я попрощалась с Рейчел и Мейсоном.

Затем я залезла в карман, вытащила мобильник и включила его. Он несколько раз пискнул. Я просмотрела сообщения. Одно от Рейчел – она просила скинуть смску, когда я доберусь. Второе от Тая. Тот спрашивал, по-джентльменски ли ведет себя новый клиент, или пора снова покупать билеты на самолет. И сообщение от Джинель. *Вот черт.* Я мгновенно прониклась дурными предчувствиями.

В желудке у меня разверзлась бездна размером с Большой каньон, наполненная первозданным ужасом.

От: Шлюшки-потаскушки

Кому: Миа Сандерс

Тебя избили? Ты в больнице? Какого хрена я должна узнавать об этом из смски брата Тая?! Если ты еще не мертва, я тебя точно прикончу.

Крепко сжав зубы и втянув сквозь них воздух, я набрала ответ.

От: Миа Сандерс

Кому: Шлюшке-потаскушке

Так, небольшой инцидент. Ничего страшного. Я в полном порядке. Не волнуйся за меня. Звякну тебе позже, когда разберусь с Любовничком-латиносом.

От: Шлюшки-потаскушки

Кому: Миа Сандерс

Любовничек-латинос? Серьезно? Да он же номер один в хип-хопе и горяч как перчик хабанеро!

От: Миа Сандерс

Кому: Шлюшке-потаскушке

По слухам, он тот еще козлина.

От: Шлюшки-потаскушки

Кому: Миа Сандерс

Готова поработать его козочкой в любое время... особенно если он поработает языком!

От: Миа Сандерс

Кому: Шлюшке-потаскушке

Вот извращенка!

От: Шлюшки-потаскушки

Кому: Миа Сандерс

Хочу быть рисом и бобами в его гарнире. И пончиком в его десерте. Огоньком на его крем-брюле, чтобы он задул меня и обсосал дочиста.

От: Миа Сандерс

Кому: Шлюшке-потаскушке

Стоп! Вот бешеная шлюха. Господи. По сравнению с тобой я просто святая.

От: Шлюшки-потаскушки

Кому: Миа Сандерс

По крайней мере, я знаю, что, если попаду в ад, ты протянешь мне руку помощи.

Я громко рассмеялась.

– Работа? – спросила Хизер, кивнув на мой мобильник.

Я отключила звук и запихнула телефон в сумочку.

– Прошу прощения. Лучшая подруга. Проверяла, как у меня дела.

Вздыхнув, я собрала волосы и перекинула через плечо. Жара начала доставать. Нагнувшись, я настроила кондиционер так, что он обдавал меня блаженно прохладной струей. Ох, так лучше. Хизер явно не волновало то, что кондей работает при открытых окнах.

– У вас близкие отношения? – спросила она, поджимая губы и направляя машину в подземный гараж.

Я нахмурилась. Какое именно из слов во фразе «лучшая подруга» она не расслышала?

– Ага. Ближе не бывает. Мы знакомы уже целую вечность.

Хизер фыркнула и резко дернула за ручник.

– Везет тебе. У меня нет никаких друзей.

От ее слов меня словно электрическим током пробило.

– В каком смысле? У всех есть друзья.

Хизер покачала головой.

– Не у меня. Слишком загружена работой, чтобы поддерживать отношения. Антон должен быть лучшим. Пускай я только его ПП, на меня взваливают все дела. К тому же у меня образование в сфере делового администрирования. Может, когда-нибудь я стану продюсером знаменитого певца. Если я хочу, чтобы мои мечты сбылись, надо впахивать.

– Ну да, наверное, – пожала плечами я и потащила за ней, когда мы приехали.

Хизер бодрым шагом направилась к лифту мимо ряда весьма впечатляющих автомобилей класса «люкс».

– Вот черт, – тихо шепнула я, глядя на целые ряды «Мерседесов», «Рендж Роверов», «Кадиллаков Эскалейд», БМВ, «Бентли», «Феррари» и еще несколько европейских марок, которые не успела толком рассмотреть.

Но то, что я увидела, то, что заставило меня застыть на месте и прирасти к бетону, – это шесть самых горячих и сексуальных байков, попадавшихся мне на жизненном пути.

«БМВ Эйч-Пи2 Спорт» – белый, с голубыми колесными дисками и 1170 кубами. Уже на том этапе я чуть не описалась от восторга. Затем «МВ Агуста Ф4 1000» – единственный на свете мотоцикл с радиальными клапанами. Развернувшись, я выпустила ручку чемодана и провела пальцем по сиденью третьего байка, сексуальному, как грех. «Айкон Шин» – весь черный, с блестящими хромовыми деталями. Я ласкала его лишь кончиком пальца, как

нежный любовник, проводя по изящным обводам и окантовкам. Этот мотоцикл стоил больше полутора сотен тысяч баксов! *Дери меня. Нет, правда, мне нужно, чтобы меня отодрали на этом байке.*

Воздуха, воздуха мне! Я охнула и присела на корточки, все еще не в силах оторвать взгляд от этой красоты. *Милая малышка, иди к мамочке.* Я вполне могла бы счастливо жить в этом гараже, просто любуясь мотоциклами своей мечты.

– Э-э, прием? Земля вызывает Миа? Какого черта ты делаешь?

Я слышала Хизер, но ничего не отвечала. Сейчас ее голос был для меня словно назойливый комар – сколько бы раз ты не смахивала его, он упорно возвращается.

Я медленно встала, перевела дыхание и окинула ряд еще одним взглядом. Его замыкал оранжево-черный тюнингованный «КТМ Супер Дьюк». Возможно, самый доступный из этой шестерки – определенно он числился в моем списке потрясных байков, которые я, возможно, однажды смогу купить.

– Чьи это мотоциклы? – спросила я.

Мой голос стал ниже на октаву от благоговения перед этим воплощенным сексом на двух колесах.

– Антона. Это здание принадлежит ему. Здесь его студия звукозаписи, танцзал, спортзал – и, разумеется, его квартира в пентхаусе. У остальных членов его команды тоже тут по квартире. Даже у тебя будет собственная студия. Обычно мы поселяем там приезжих знаменитостей или тех, кто работает над его альбомами.

– И он ездит на этих мотоциклах?

– А ты фанат байков, да? – ухмыльнулась она.

– Можно и так сказать.

Мне пришлось буквально выдавливать из себя слова, и я так и не смогла пока оторвать взгляд от этой рукотворной красоты.

– Может, он тебя прокатит.

Это заставило меня прислушаться.

– Прокатит?

Хизер кивнула, улыбаясь так лучезарно, что эта улыбка вполне бы подошла для коммерческой рекламы мирового уровня.

– Хрена с два. Я не езжу пассажиром, дорогуша. Я вожу сама.

* * *

Хизер дала мне аж целых пятнадцать минут на то, чтобы освежиться, прежде чем она поведет меня вниз на встречу с Антоном. Я запрыгнула в душ, смыла с себя пот, оставшийся после целого дня пути, и обнаружила наряд, который Хизер оставила для меня. Впрочем, «наряд» – это сильно сказано. На кровати валялась неубедительная полоска ткани, короткие шортики и сандалии с высоченными шпильками и ремешками, переkreщивающимися от лодыжки и до колена. Я натянула шорты и уставилась на себя в зеркало. Любой внимательный наблюдатель мог бы с легкостью заметить солидную часть ягодич, выступающих из-под нижнего края. Вот черт. Я развернулась передом. Шорты были обрезаны так высоко, что снизу торчала подкладка кармана. Майка, однако, оказалась миленькой. Воздушная, с двумя тонкими бретельками на каждом плече. Зажмурившись, я

сосчитала до десяти и мысленно произнесла зажигательную речь.

Ты можешь это сделать, Миа.

Всего лишь месяц с небольшим назад ты расхаживала в бикини за компанию с Таем и другими моделями. А здесь все же чуть больше ткани. К тому же ты здесь не для того, чтобы продемонстрировать свои исключительные моральные качества, а для того, чтобы выглядеть сексуально и сыграть горячую кошечку в рок-клипе. То есть в хип-хоп-клипе.

Громко застонав, я собрала волосы в хвост. Похоже, жара усилилась до миллиона градусов или, может, моя собственная температура подскочила до сотни.

Медленно вдыхая через нос и выдыхая через рот, я встала и вышла в гостиную. Хизер, ожидавшая меня там, говорила по телефону. Она смерила взглядом мою фигуру от мысков туфель и до волос. Дойдя до последних, девушка сердито нахмурилась. Не отрывая телефон от уха, она подошла ко мне и потянула за резинку, так что густые пряди рассыпались по плечам.

– Уже лучше, – шепнула она, взбивая их то так, то эдак.

Затем, щелкнув пальцами, она направилась к двери.

– Не поняла. Ты что, щелкнула мне своими чертовыми пальцами?

То непринужденное товарищество, что возникло между нами в машине по дороге из аэропорта, разбилось вдребезги.

У Хизер хватило воспитания, чтобы принять виноватый вид.

– Прости, – беззвучно шепнула она. После чего вновь вернулась к мобиле и сказала:

– Да, Антон, сейчас я ее приведу.

В ее словах слышалось раздражение, плотное, как теннисный мячик, который можно подбросить в воздух и поймать на лету.

– Мы будем в танцзале. Да, через пять минут.

– Миа, прошу прощения, – снова обратилась она ко мне. – От него у меня просто зубы сводит. К сожалению, он слегка на взводе. Не хотела тебя оскорбить. Судя по всему, подтанцовка подкачала. Не смогли отплясывать так, словно им в трусы забрался пчелиный рой.

Я попыталась выдавить смешок, но вышло как-то неубедительно. Страх, пометавшись между ребрами, осел тяжелым грузом у меня в желудке. Антон уж точно не придет в восторг, когда обнаружит, что эта белая девушка вообще не умеет танцевать. Но меня успокаивало то, что обратной силы сделка не имела. Любовничек-латинос должен был заплатить мне гонорар независимо от того, умею я танцевать или нет. В моем портфолио такого пункта не значилось, и я никогда не утверждала, что он там был.

Двери лифта открылись в зал с целиком зеркальными стенами. Обычные лампы не горели, только помаргивающая задняя подсветка и лучи софитов, освещавшие несколько извивающихся в танце фигур. Музыка гремела нестерпимо. Мужчина в спортивных шортах и футболке отбивал ритм, хлопая в ладоши, и выкрикивал какие-то числа – должно быть, танцевальные позиции, но я не была уверена.

Хизер провела меня в зал, и мы встали в сторонке. Только тут у меня впервые появилась возможность хорошенько разглядеть Антона Сантьяго. Я уставилась на его точеное, мускулистое тело, и у меня пересохло во рту. Все вокруг меня, казалось, запульсировало в такт с ударами сердца, когда он медленно двинулся вперед. Каждый такт мелодии

подчеркивал движение его плеч, один разворот за другим, и ритмичное покачивание бедер. Пот покрывал все его тело, от выступающих ключиц до выпуклых мышц груди и соблазнительных кубиков пресса. Он был не только отлично сложен, его тело как будто взывало: «Обними меня, притронуся ко мне, ляг на меня нагишом».

Он крутанулся на месте – и парни из подтанцовки повторили его движение – а затем ударился об пол... всем телом. В такт с музыкой он несколько раз отжался, сначала на двух, а затем и на одной руке. Мышцы на его плечах и предплечьях восхитительно напряжились. Он повторил движение, но на сей раз добавил к нему вращение бедер, словно трахал землю. Мать пресвятая... мне захотелось подбежать к нему и плюхнуться на пол, чтобы он смог попрактиковаться на живой, дышащей, горячей женщине. А мне было горячо. И еще как. Обмахиваясь, я следила за тем, как его тело изгибается, разворачивается и взмывает в воздух. Он приземлился на ноги и снова повторил вращение и толчок бедрами под невозможно сексуальные слова песни:

«Детка, танцуй со мной...» – *переворот*

«Я всю ночь проведу с тобой...» – *толчок*

«Позволь мне тебе помочь...» – *переворот*

«Я с тобой проведу всю ночь...» – *толчок*

Он накрыл свои достоинства широкой ладонью и подтянул вверх, снова взмывая в воздух. Выглядело это так, словно золотисто-бронзовый бог только что кончил долбить девушку мечты и сейчас проверял состояние своего оружия, прежде чем вновь вступить в сексуальный поединок.

Музыка внезапно смолкла.

– Ладно, ребята, на сегодня хватит. Антон, все нормально, – выкрикнул парень в шортах.

Антон не сказал ни слова, лишь приподнял подбородок в царственном жесте, который был круче, чем яйца. Стайка девчонок подбежала к нему с полотенцем и водой.

– Ох, Антон, ты был просто потрясающим. Таким сексуальным.

Он остановился где-то в метре от меня, сверля взглядом. Зеленые глаза против зеленых глаз. Его горели, мои светились желанием.

– Оставьте меня, – сказал он.

– Но я думала, мы развлечемся после репетиции? – вякнула одна из девушек при поддержке подруги.

Он нахмурился.

– Антон не повторяется. *Vete al carajo*, – сказал он, прогоняя их взмахом руки.

Судя по их кривящимся и раздосадованным лицам, ничего хорошего это не значило. Впоследствии я узнала, что фраза переводится как «валите нахер».

– Lucita.

Когда мужчина облизывается так, как он облизнулся сейчас, по позвоночнику у вас бегут мурашки, а внутри все буквально *сжимается*. Да, ему стоило лишь один раз облизнуть губы, и моя киска сжалась.

– Теперь, когда ты здесь, что же нам с тобой делать?

От его пуэрториканского акцента у меня только сильнее вскипела кровь. Взгляд Антона обшарил меня с ног до головы. С тем же успехом он мог протянуть руку и провести пальцем

по моей коже – вот как остро я ощущала этот взгляд.

Эти зеленые очи затуманило то, что могло быть лишь незамутненной животной похотью. Мы стояли, глядя в лицо друг другу, словно между нами бушевала безмолвная война. Ноздри трепетали, глаза щурились, пока, наконец, я не заговорила:

– Ты мог бы покормить меня. Я умираю от голода.

Хизер, стоявшая намного ближе, чем я думала, громко фыркнула, снимая воцарившееся между мной и Любовничком-латиносом напряжение. Теперь, когда он стоял прямо передо мной, стало более чем понятно, откуда взялось это прозвище.

Певец резко повернул к ней голову.

– Извини, Антон, – сказала Хизер и отвернулась, не в силах спрятать улыбку.

Антон протянул мне руку.

– Миа, давай-ка тебя хорошенько заправим.

Он произнес это таким тоном, что в голове завертелось сотня неподобающих мыслей, не имеющих никакого отношения к еде. Я облизнула губы и хлопнула себя по ляжкам.

– Ага, давай.

Втроем с Антоном мы направились к лифту и поднялись в пентхаус, где располагалась личная резиденция Любовничка-латиноса. В ту же секунду, когда двери открылись, Антон шагнул в них, не предлагая нам присоединиться.

– Ты знаешь, что делать, Хи, – прокричал он через плечо, даже не удостоив нас взглядом.

Хизер потянула меня в противоположном направлении.

– Идем, девочка. Думаю, нам нужно пропустить стаканчик. И побольше.

Мы зашли в довольно просторную кухню. Всю стену занимал ряд белых кухонных шкафов, каждый с черной ручкой, украшенной завитками. Узор был уникален для каждого шкафчика, словно все они изготавливались индивидуально. Перед шкафами и новейшей кухонной техникой вытянулся неприлично длинный прилавок, отделанный черным гранитом. Десять барных табуретов с круглыми сиденьями выстроились перед ним в одну идеально ровную линию. Я отодвинула один и уселась, как можно тщательней подоткнув под себя крошечные шортики, чтобы задница не свисала со стула. Это никому не придаст изящества.

– Тебе нравятся гранаты? – спросила Хизер, доставая два хрустальных бокала для martini.

– Очень, – кивнула я.

Она вытащила огромную бутылку водки «Серый гусь», металлический шейкер и сок.

– Так что Антон планирует со мной делать? – поинтересовалась я, пока она забрасывала в шейкер кубики льда.

Затем Хизер щедро плеснула водки и добавила самую малость гранатового концентрата.

– Не считая траха? – ухмыльнулась она.

Ее слова прозвучали скорее как обвинение, чем как вопрос. Я отпрянула, не веря такой беспардонности.

– Не строй из себя пайнюку. Я видела, как вы двое только что пожирали друг друга глазами в студии. Думаю, он разложит тебя сегодня же вечером.

Хизер подтолкнула ко мне стакан, до краев наполненный багряной жидкостью.

– Пей до дна, – заявила она и сделала большой глоток.

Я последовала ее примеру – мне нужно было набраться храбрости, чтобы вправить ей мозги.

– Ты, похоже, не слишком высокого мнения обо мне, да?

Мои слова так и сочились ядом, словно укус гремучей змеи.

Брови Хизер сошлись к переносице.

– А разве ты не спишь со всеми своими клиентами? Ты же эскорт.

В одном этом слове «эскорт» заключалась невероятная доза презрения.

Тут я с грохотом опустила бокал на стол, расплескав алую жидкость по всему прилавку.

– Я сплю с кем хочу и когда хочу. Это не входит в мой контракт. Я эскорт, а не *иллюха*.

Резко выдохнув, я продолжила:

– Я предоставляю услуги по сопровождению и удовлетворению других потребностей, но секс с клиентами в эти потребности может и не входить.

Я так и кипела от негодования, хотя, технически говоря, и переспала с некоторыми из

своих клиентов. Но не со всеми.

Я решаю, с кем, и я решаю, когда. Точка.

Недобрые мысли о тех мужчинах, которые хотели навязать мне свое представление о том, с кем и когда, вспыхнули у меня в подкорке. Если бы я могла, то загнала бы эти гнусные воспоминания обратно кувалдой, заперла в самом темном чулане и выкинула бы ключ. *Вы не сможете управлять мной.*

Жажда расплаты опалила мою грудь и прожгла в горле огненную дорожку. Ее подпитывал все еще отпускавший меня страх после того, что недавно произошло между мной и Аароном.

– Теперь я знаю, почему у тебя нет друзей. Ты предвзятая, стервозная и попросту грубая!

Хизер отступила на несколько шагов, так, что врезалась спиной в противоположный прилавок. От удара содрогнулась даже морозилка из нержавеющей стали с двойной дверцей. Не смотри я на девушку так внимательно, я, возможно, и не заметила бы, как ее голубые глаза подозрительно заблестели. Она откашлялась, прижала к груди руку с тонкими пальцами и пробормотала:

– Прошу прощения, Миа. Это было невежливо с моей стороны.

– Да уж точно, черт побери, абсолютно невежливо!

Я так сильно сжала зубы, что даже челюсть заболела. Пришлось быстро опрокинуть в рот остаток коктейля, чтобы его огненный вкус выжег привкус подступившей рвоты.

Хизер облизнулась, растерянно шаря глазами по комнате.

– Я еще раз прошу прощения. Я наняла тебя не для того, чтобы ты спала с ним. В этом у него как раз нет недостатка. Ты будешь главной героиней нового видеоклипа. Женщиной, которую он вожделеет, искусительницей, которую не способен заполучить.

Искусительницей. Вот уж до чего мне как до луны. Это прозвучало настолько смешотворно, особенно в свете только что состоявшейся напряженной беседы, что я откинула голову и рассмеялась. Это был утробный, громовой хохот, с всхлипами и икотой, который с каждой секундой становился все более громким и истерическим.

Брови Хизер взлетели к самым волосам.

– Э, ладно... больше выпивки тебе не даем!

Она подмигнула, ловко разряжая ситуацию.

Я поставила локоть на стол и положила подбородок на ладонь.

– Сегодня был странный денек. Да что там, весь прошлый месяц был сумасшедшим. Это просто вишенка на том безумном торте, который я зову своей жизнью.

Я покачала головой и запустила пальцы в волосы. Они здорово отросли. Может, надо будет урвать немного свободного времени и подстричься.

Вопреки собственным словам Хизер смешала нам обеим еще по коктейлю.

– Мы можем заключить перемирие? Я действительно не хочу, чтобы ты плохо ко мне относилась, и я просто неправильно поняла, чем ты занимаешься.

Ее голубые глазищи на хорошеньком личике казались такими большими и круглыми, даже невинными.

Я протянула ей руку. Хизер взглянула на нее – реакция у девушки, похоже, была замедленной от усталости – а потом сжала в своей. Мы обменялись крепким рукопожатием.

– Мир, – улыбнулась я.

Она ухмыльнулась в ответ и повторила:

– Мир.

– Две леди, пожимающие друг другу руки над бокалами со спиртным, могут заставить мужчину понервничать. Что вы тут замышляете? – поинтересовался Антон, входя в кухню.

На нем были белые хлопчатобумажные штаны на резинке, свободно свисавшие чуть ли не по самое не могу. Их он дополнил свежайшей мятно-зеленой сорочкой, которую не потрудился застегнуть, так что его скульптурно вылепленный живот был выставлен на всеобщее обозрение. Пальцы с безупречным педикюром выступали из-под широких штанин. Черт, даже его ступни выглядели привлекательно. Одно это уже говорило слишком много о том удивительном образчике мужской красоты, что стоял передо мной. Я наблюдала, как он движется с грацией пумы, несмотря на вес всех этих мышц. Антон не был низким, но и особо высоким ростом не отличался. По моим прикидкам, около метра восьмидесяти, что нормально смотрелось рядом с моими ста семьюдесятью тремя сантиметрами, хотя обычно я предпочитала мужчин повыше, вроде Уэса и Алека.

Уэс и Алек. Двое совершенно разных мужчин, два совершенно разных чувства, мгновенно охвативших меня. Первый вызывал неугасимую надежду на возможное совместное будущее, а второй – неугасимое желание.

Антон подошел к Хизер и обнял ее одной рукой за плечи.

– Значит, Хи, эта *Lucita* и будет недоступной возлюбленной в моем видео?

Он сжал плечо Хизер, по-дружески притягивая ее к себе, но при этом не сводя глаз с меня. Девушка молча кивнула и закатила глаза. Вторую руку Антон поднес ко рту и принялся поглаживать нижнюю губу большим пальцем, при этом продолжая рассматривать меня. Казалось, что кончик его пальца скользит по всем изгибам моего тела – таким взглядом он пожирал каждый сантиметр моей кожи.

Не стану врать. Я млела. Просто таяла. Черт, его внешность ничем не уступала манере двигаться и говорить. Этот легкий пуэрториканский акцент и то, как слова скатывались у него с языка, словно сам секс во плоти... все это действовало на меня. Действовало так, как мне бы *не хотелось* после всего того, через что я прошла в июне с Аароном. Но, что бы вы думали – у этого парня, Любовничка-латиноса, похоже, были реактивные феромоны. Я чувствовала каждую их молекулу, как удар прямо по моей киске.

– *Черт*, да ты настоящая красотка, – сказал Антон, наставив на меня подбородок. – Шаги знаешь?

– Э-э, какие именно шаги? – спросила я.

Встав на цыпочки, он крутанулся, отпрянул от Хизер и, продолжая кружиться, двинулся вдоль стола, пока, хлопнув в ладоши и качнув бедрами, не остановился рядом со мной. Антон замер в миллиметре от моего лица. Я ощутила запах геля для душа и кокоса и тут же вспомнила, как лежала на солнечном пляже на Гавайях. Я была бы не прочь полежать на пляже на Гавайях прямо сейчас, предпочтительно под этим божеством секса.

– Шаги, *тийеса*, – прошептал он.

Я чувствовала тепло его дыхания на своем лице – легкие дуновения, терзающие мои нервы и пробуждающие рецепторы похоти, пребывавшие в течение последнего месяца в спячке.

Не отводя взгляда, я подалась ближе, прижавшись щекой к его щеке так, чтобы шепнуть ему на ухо:

– Что значит *тийеса*?

Слова прозвучали мягко, практически лаская его кожу.

– Куколка.

Его голос был хриплым, как будто Антон проглотил ложку песка.

– А *Lucita*?

Я придвинула губы так близко к его щеке, что чувствовала покалывание щетины на подбородке.

Он застонал и положил руку мне на бедро – легчайшее прикосновение, от которого мой разум небрежно отмахнулся.

– Огонек.

Огонек? Я отстранилась, нарушая напряженность момента и разрывая ореол вожделения, окутавший наши тела.

– Огонек? – повторила я, не в силах сдержать смешок. – Почему?

Чуть касаясь меня кончиками двух пальцев, он провел ими по округлости моего плеча, а затем ниже, по чувствительной коже предплечья. По руке побежали мурашки, и пара кривых ногтей словно распоролла мою плоть от запястья до грудной клетки, а мое сердце сжалось в холодных тисках. В глазах потемнело, и все вокруг заполнило истощенное биение пульса. Кожа как будто натянулась, каждый нерв посылал отчаянные сигналы – беги, прячься... спасайся.

– *Готова к тому, чтобы тебя хорошенько вздрючили?* – рычит он, и мне в лицо летят капли его слюны.

Мое тело прижато к бетонной стене библиотеки. Тошнотворное звяканье пряжки ремня и треск растягиваемой молнии звучат как мой личный набат. Я кричу во весь голос, но он нагибается с губительной быстротой, зубами срывает крик с моих губ, а затем бьет меня головой о бетон. Боль взрывается во мне сотнями звезд, как в ночном небе над пустыней.

– *Нет!*

– Нет! – выкрикнула я и оттолкнула жесткое тело, стоявшее слишком близко, а затем отпрыгнула назад, наткнувшись на край дивана.

Дивана? А? Завертев головой, я стряхнула паутину воспоминаний, мешавших мне мыслить здраво.

Раздерьмищенское треклятое дерьмо! Какого. Черта. Это. Сейчас. Было?

Две пары расширившихся от ужаса глаз наблюдали за тем, как я прихожу в себя.

– Миа... – охнула Хизер, прижав ладонь ко рту.

– *Lucita*, я... *perdóname*. Прошу прощения. Я каким-то образом причинил тебе боль?

Голос Антона так и сочился неприязнью и еще чем-то, что я могла счесть лишь страхом. Дерьмо. Нехорошо получилось. Какого черта это воспоминание всплыло у меня в башке? Что его вызвало?

Я тряхнула головой.

– Нет, нет, извините, ребята. Наверное, я просто устала после поездки, и ничего не ела, и слишком быстро выпила коктейль... да, уверена, все дело в этом.

Должно быть в этом.

Губы Антона сжались в тонкую линию.

– Давай тебя накормим. Не потерплю, чтобы кто-то из моей команды в чем-то нуждался. Идем. Хи, пошли в наш любимый.

Он протянул мне руку, и я вложила в нее свою ладонь. Знакомое возбуждение никуда не ушло, но теперь с ним мешалась тень беспокойства. Просто от того, что меня держали за руку. Какого. Хрена. *Это не ты, Миа*. Мне надо было разобраться с этим, и быстро. Но как?

Не зная, как еще поступить, я направилась за Антоном и Хизер к двери. В голове у меня царил полный бардак, а страх все еще пощипывал за пятки.

* * *

Ужин был великолепным. Восхитительные *Gnocchi al Gorgonzola*, как они называли это в Il Gabbiano, шикарном итальянском ресторане, куда нас отвел Антон. Я явно не соответствовала местному дресс-коду, как, впрочем, и они с Хизер. Когда мы вошли в зал, по пятам за нами двинулись несколько человек из охраны Антона, словно мы были королевскими особами. Администратор зала заметил нас и кинулся навстречу с такой резвостью, словно бежал босыми пятками по раскаленным углям. Он усадил нас без всякой очереди за угловой столик, откуда открывался прекрасный вид на Атлантический океан. Антон широким жестом заказал несколько закусок, сопровождая все это белоснежной улыбкой. Его зелено-карие глаза ослепляли всех женщин в радиусе пяти метров и привлекали внимание других гостей. Мы с Хизер заказали набор закусок, а поскольку мне хотелось какой-нибудь дьявольски нездоровой еды с миллионом калорий, я добавила к заказу свои обожаемые пухлые шарики неземного блаженства, ньокки со сливочным соусом. Рай для вкусовых сосочков.

Антон заказал креветки со спагетти и умял их с такой скоростью и проворством, словно они могли прыгнуть с тарелки обратно в океан. Когда я поинтересовалась, зачем он так яростно поглощает еду, Антон нахмурился, вытер рот и перевел взгляд на Атлантику. Хизер старательно сменила предмет обсуждения еще до того, как он успел ответить. Очевидно, ей было известно об этой взрывоопасной теме что-то такое, чего не знала я. Я покосилась на девушку, и она чуть заметно покачала головой. Разговор свернул на музыкальный видеоклип и план наших действий.

Вот тут-то я и сбросила гигантскую атомную бомбу, сообщив, что абсолютно не владею искусством танца.

– Вообще?

Брови Антона сошлись к переносице. Я покачала головой и прикусила губу. Мой босс задумчиво почесал послеобеденную щетину и шумно вдохнул.

– Придется с этим что-то делать. Ты... – тут он обвел жестом мою фигуру, – ...*perfecto*... э-э... идеально подходишь для роли обольстительницы. Хи, ты не могла выбрать никого лучше. Нам надо решить эту маленькую проблему.

Антон потер руки, и его глаза потемнели.

– Думаешь о том же, о чем я? – спросил он, обращаясь к Хизер.

Уголки ее губ поползли вверх. Она постучала пальцем по нижней губе и пожала плечами.

– Если она не занята. Сезон в Сан-Франциско завершился, а этот мерзавец, который преследовал ее друзей, убрался.

Хизер поерзала на стуле и продолжила:

– Вроде бы на горизонте все чисто. Может, если мы пригласим ее в качестве хореографа, это заодно решит проблемы с подтанцовкой. Я ей позвоню и посмотрю, готова ли она спасти твою задницу. Но ты знаешь, что это вылетит тебе в копеечку.

– Как и все остальное, верно, Хи? – рассмеялся Антон. – Я хочу только ее. Устал уже

возиться с этим дебилом, а ее постановки современного балета самые лучшие. И латина фьюжн. Она умеет выстраивать композицию. Хочу, чтобы все внимание было на Миа. Хочу, чтобы при взгляде на нее у зрителей слюнки текли. Все мужчины будут хотеть ее, но она никому не достанется.

Он похотливо ухмыльнулся, закинул в рот креветку целиком и швырнул хвост на тарелку для мусора. Антон просто сиял, воодушевленный этой новой идеей.

– Так кто, эм-м, этот хореограф?

Хизер отхлебнула своего белого вина и промокнула губы.

– Очень талантливая исполнительница современного танца, которая последние пару лет выступала с балетной труппой Сан-Франциско, так что нам не удавалось заполучить ее.

Она подняла руку с бокалом вина и одним пальцем указала на Антона.

– Антон влюбился в ее тело и в манеру исполнения после того, как видел в прошлом году ее спектакль.

Эти сведения меня удивили.

– Тебе нравятся театральные представления? – встряла я.

– Да, *Lucita*. Они меня успокаивают и пробуждают мою музу. Мне нравится смотреть, как другие танцуют, поют классику или современные вещи.

– В любом случае, – вмешалась Хизер, – мы выяснили, что она преподает хореографию исключительно в Сан-Франциско. Ты же знаешь, что она не променяет Сан-Франциско на Майами.

Последние слова Хизер были адресованы Антону. Он нахмурился.

– Что-то там насчет того, что ей надо быть рядом с сестрами. Но если мы предложим ей достаточно и свяжемся прямо сейчас, она, возможно, согласится приехать сюда на то время, пока Миа с нами и пока мы заняты съемками. Может, она тот самый ключевой элемент, который поможет нам поднять видео на следующий уровень.

Хизер внезапно вскочила и заявила:

– Я позвоню ей прямо сейчас.

Взглянув на часы, она добавила:

– У них сейчас на три часа раньше, так что все нормально.

Без дальнейших объяснений она отошла от столика и направилась к открытому балкону. Я глядела на океан, прихлебывая вино. Дул легкий ветерок, но лампы для обогрева, стоявшие у столика, не давали нам замерзнуть.

– Твоя помощница весьма расторопна.

– Так и есть, – улыбнулся Антон. – Поэтому я ее и держу.

– Могу я говорить прямо? – спросила я и сжала губы, ожидая ответа.

Антон откинулся на стуле, положил ногу на ногу и широко раскинул руки.

– Разумеется.

– Почему ты говоришь с ней таким жестким тоном? Не боишься, что она уйдет?

Мне и вправду было искренне непонятно, зачем кому бы то ни было оставаться с человеком, который половину времени ведет себя так, будто его дерьмо не пахнет, а половину – вполне расслабленно и непринужденно. Создавалось впечатление, что в нем совмещались две совершенно разные личности.

– С чего ты так решила? – прищурился он.

– Не знаю, – пожала плечами я. – Может, с того, что ты рычишь на нее по телефону, расхаживаешь перед ней так, словно она твоя батрачка, и отдаешь ей приказы, даже не

оборачиваясь.

– Я ценю мнение Хизер больше, чем остальных, – поморщился Антон. – Только ее слова имеют для меня значение... всегда. Я полностью ей доверяю.

– А я бы так не подумала.

Антон схватил бокал и одним махом всосал остаток своего шираза.

– Она тебе говорила что-нибудь насчет ухода?

Судя по его тону, мысль об уходе Хизер крайне ему не нравилась.

– Нет! Вовсе нет. Просто мне кажется, что ей хочется большего.

– Большого?

Последний вопрос тяжело повис в воздухе.

– В смысле отношений?

Я покачала головой. Неужели он и правда настолько самовлюбленный?

Взглянув на его тело и лицо, которое заставило бы зарыдать самих ангелов, я подумала, что у него есть на это право. Ну, типа того.

– Насчет этого я не в курсе. Я говорила о работе. Она как-то упоминала, что хочет стать музыкальным продюсером. У тебя же вроде сейчас нет продюсера.

Антон поднес руку ко рту и погладил свою чрезвычайно располагающую к поцелуям нижнюю губу подушечкой большого пальца.

– Нет. Обычно я перекидываю все решения на Хи, и она все организует.

Любопытно.

– То есть она уже как бы продюсирует тебя, но при этом у нее нет ни преимуществ, ни привилегий, которые дает звание продюсера. Как печально для нее.

Я принялась, как ни в чем не бывало, накручивать локоны на палец, а потом передвинула стул так, чтобы сидеть лицом к воде и временно оставить Антона в покое. Океан был абсолютно потрясающим. Сердце пронзила боль, когда я осознала, насколько скучаю по дому.

Дом.

Вот черт. Похоже, я, сама того не понимая, ответила на вопрос, над которым размышляла большую часть последних нескольких месяцев.

Домом для меня была Калифорния.

Солнце било сквозь занавески, ослепляя меня своим сиянием. День третий, и я наконец-то почувствовала себя выпавшейся. Вчерашний день прошел в суматохе встреч с косметологом, стилистом и съемочной группой. Сегодня вечером нам предстояла встреча с хореографом. Она должна была прилететь утром и хотела сразу же познакомиться сразу со всей командой в танцстудии. Надеюсь, это не означало, что она будет смахивать на строящего новобранцев сержанта в учебке. Беспокойство и радостное предвкушение боролись во мне, щекоча нервы, – я гадала, сможет ли она научить меня отплясывать так, что я не буду смахивать на Элейн в том жутком эпизоде из «Сайнфелда», который обожал мой папа.

Эта белая девушка не умеет танцевать. Что всегда было камнем преткновения для моего агента. Я могу воспроизвести мелодию, могу играть и, судя по всему, неплохо выступаю в роли модели, но искусство танца всегда оставалось для меня недоступным. А вот что касается Джинель, то она могла бы пуститься в пляс наперегонки с ураганом. Ее работа в бурлеск-шоу «Классные куколки» привлекла внимание, и сцена любила ее. Несмотря на то что росту в ней было от горшка два вершка, в ее крошечной фигурке скрывалась бездна талантов, и она двигалась по сцене лучше всех, кого я знала.

Я ощутила, как меня окутывает печаль. Джин была бы просто вне себя от восторга, если бы ей удалось оказаться здесь и повстречаться с крутым хореографом из Сан-Франциско. Как только узнаю, как зовут эту особу, то тут же свяжусь с Джин и посмотрю, что ей известно – если известно вообще что-то – о таинственной женщине, которая настолько очаровала Антона. Ну, по крайней мере, в том, что касается танцев.

Едва я включила мобильник, как он тихо пискнул. Я просмотрела сообщения, еще толком не продрав глаза после ночи полноценного сна. Одно было от Мэдди – она сообщала новости об учебе и благодарила меня за последний чек, который я отослала ей на покупку еды и учебников. Меня все еще беспокоило то, что я больше не должна оплачивать ее повседневные расходы. Я выдыхала и с каждым днем чуть больше ослабляла контроль. Конечно, я никогда полностью не откажусь от ответственности за свою младшую сестренку. Это вьелось слишком глубоко в самую мою суть. Однако я должна была постоянно напоминать себе о том, что она уже взрослая, живет сейчас со своим женихом, и впереди ее ждут карьера и поставленные цели. Она была счастлива, здорова, жила в хорошей квартире с парнем, который с готовностью исполнял любую ее прихоть. И лучше бы ему было продолжать в том же духе, иначе, клянусь, я свяжу этого мерзавца по рукам и ногам и выщипаю все волосы у него на груди с помощью своего маленького пинцета.

Но от следующего сообщения у меня кровь застыла в жилах. Ох, моя лучшая подружка получит по заслугам. Только так он мог узнать о моем дне рождения – если кто-то ему сказал.

От: Уэса Ченнинга

Кому: Миа Сандерс

Маленькая птичка напела мне, что у тебя день рождения на следующей неделе, и что ты в Майами. Попробуй урвать свободный денек. Ты же не хочешь провести свой день рождения с чужим человеком, верно? Я приеду, чтобы тебя

повидать. Готовься. Нам надо наверстать целые упущенные месяцы.

Громко выругавшись, я набрала этого змееныша, который выдал все заветные тайны.

– Пр-рвет, – ответил мне сонный голос. – Миа, ты в порядке?

Вторая фраза прозвучала уже чуть более осознанно.

– Как ты могла? – проскрипела я в трубку, держа мобильник как молот, готовый к удару.

Джинель вздохнула и пробормотала:

– Так было нужно.

Затем она зевнула.

– Серьезно? «Так было нужно», вот твой ответ? Я чертовски на тебя зла, – громко прошипела я.

Сложно сказать, почему я шептала – ведь в квартире, кроме меня, никого не было.

Джин застонала и еще раз зевнула.

– Миа, я играла в «вышел месяц из тумана» с номерами телефонов горячих парней, которые сперла из твоей телефонной книжки.

Я закатила глаза и сжала зубы. Типично для Джин – свистнуть их номера вместо того, чтобы просто попросить.

– И попала на Уэса. Ты не должна встречать день рождения в одиночестве.

Голос Джин превратился в нечто среднее между отчаянным зевком и обычным ее насмешливым щебетом.

– Я бы приехала, но ты же знаешь, что после отпуска в мае у меня все расписано по часам. И, кстати, который сейчас час?

Я взглянула на часы, стоявшие на прикроватном столике. Восемь часов утра на Восточном побережье.

– Пять по твоему времени, – хихикнув, ответила я. – И поделом тебе. Теперь мне придется разбираться с Уэсом.

– Разбираться с ним? Хм-м-м, лично я бы включила в меню куда больше, чем простые разборки. И, по-любому, с чего ты так взбесилась?

Хороший вопрос. Джин постоянно вмешивалась в мои дела, но никогда прежде я на нее за это не злилась. Может, дело в том, что я не готова была встретиться с Уэсом так скоро после инцидента с Аароном. К тому же я сама еще толком не поняла, как на меня повлияло случившееся и что с этим делать. И все это, помимо того охренительного факта, что я постепенно влюблялась в парня. Вот черт!

В этом-то и заключалась проблема. Разум мог сколько угодно бороться с сердцем и отбивать его атаки, но в конечном счете следовало признать, что я люблю этого бога секса с каштановыми кудрями, который в плавках или в смокинге выглядел столь же соблазнительно, как и абсолютно голым. Я определенно предпочитала голозадую версию. Облизнувшись, я вспомнила нашу последнюю встречу в городе Чи. Бурный, животный секс, навсегда врезавшийся в мою память.

– Эй, Миа, ты там? Ты что, язык проглотила? Или что-нибудь покрупней языка? Очень на это надеюсь. С тех пор, как этот ублюдок-политик наложил на тебя лапы, ты стала какой-то угрюмой.

– Джин! На меня напали. Прояви хоть чуточку милосердия.

Ее голос немедленно смягчился.

– Я знаю, детка. И мне жаль. Просто не хочу, чтобы эта скотина взяла над тобой верх. Ни

один мужчина не имеет над тобой такой власти. Помни об этом. Ты сама сказала мне это после всего того дерьма, через которое ты прошла с Блейном.

– Не знаю, подружка, – со стоном ответила я. – Антон оказался таким сексуальным красавчиком...

Джинель, верная своему стилю, тут же меня перебила.

– Ох, я бы все отдала, чтобы оказаться сейчас на твоём месте. Нет, не на твоём. Тебе нравится изображать недотрогу. Взгляни на меня и на мои роскошные сиськи, ты только погляди на них, ох нет, убери лапы. Что касается меня, то я бы уже стояла на коленях перед этим мокачиновым лакомством и сосала бы его член так, словно это стакан с ледяным фраппучино.

– Не сомневаюсь, чертова ты потаскушка! – расхохоталась я.

– Это ты обо мне? – с деланным удивлением отозвалась она.

В ответ я со стоном плюхнулась обратно на кровать.

– Но, Джин, вот в чём штука. Стоило ему приблизиться, как я слетела с катушек. Перед глазами мелькнуло все, что произошло той ночью с Аароном.

Я принялась ковырять кожицу у основания ногтя, пока не потекла кровь. Боль была несравнима с терзавшей меня тревогой. А что, если случившееся повлияло на меня сильнее, чем я думала?

– Хм-м, думаю, ты должна дать себе передышку. Он что, очень настойчив?

В её голосе прорезались высокие нотки, граничащие с визгом. Тревожный сигнал, означавший, что Джин на взводе и готова пойти вразнос.

– Нет-нет-нет. Вовсе нет. Просто вначале мы с ним нешуточно флиртовали, но сейчас на мое либидо как будто набросили мокрое одеяло.

– Хм-м, может, тогда визит Уэса – это как раз то, что тебе нужно. Ну, знаешь, как Стелла из того фильма, чтобы привести себя в норму.

– Ты что, серьезно намерена скармливать мне цитаты из фильмов?

– Детка, когда речь заходит о том, что тебе не хочется оттрахать великолепно сложенного, охренительно красивого и богатого парня, я пас. Это противоречит самой моей природе.

– Верно... супершлюшка, – добавила я, чтобы разрядить обстановку.

– Это вне зоны моей компетенции.

– Ладно, – ответила я, закатив глаза и вздохнув. – Но все равно за тобой должок.

Мне было сложно говорить таким суровым и твердым тоном, особенно со своей лучшей подругой, но, похоже, я неплохо справилась.

– Так ты прощаешь меня за вмешательство? – тоненьким, почти нервным голосом пропищала она.

Я подняла голову к потолку и уставилась на завитки лепнины, пытаюсь успокоиться.

– Да, на сей раз прощаю. Но не звони больше никому из них, Джин. Я серьезно!

– Честное скаутское! – поспешно выпалила она.

– Да ты же никогда не была в гёрлскаутах! – обличающе заявила я и рассмеялась.

– Просто к слову пришлось, – хихикнула Джин.

– Ладно, неважно. Давай, спи дальше, прошмандовка, – хмыкнула я.

И хотя Джин не могла меня видеть, я не сомневалась: по моему тону она поняла, что прощена.

– Есть, капитан киска! Люблю тебя, шлюшка.

– А я тебя еще сильнее, потаскушка.

Нажав на «отбой», я снова перечитала сообщение Уэса. Он будет здесь через две недели. Я родилась четырнадцатого июля, в день взятия Бастилии.

Лучше мне было с этим разобраться, не откладывая в долгий ящик.

От: Миа Сандерс

Кому: Уэсу Ченнингу

Джинель должна была держать свой рот на замке. Ты не обязан приезжать. Со мной все будет в порядке. Но люблю тебя за то, что ты думаешь обо мне.

Люблю? Опять это проклятое слово. Любовь. Любила ли я Уэса по-настоящему? Я не знала. Возможно. Вероятно. И мне наверняка не стоило думать об этом сейчас, когда у меня новый клиент. Тот самый, который, в полном соответствии со словами Джин, смахивал на гору аппетитнейших лакомств цвета мокко. И он явно был тем еще *игроком*. Ну а я сама? Я спала с Уэсом, Алеком и Таем, и вот сидела в квартире очередного богача, размышляя о том, насколько он факабелен.

Со скоростью молнии я открыла браузер и набрала слово «*игрок*». Интернет любезно выдал мне следующие определения:

Игрок

Человек, принимающий участие в играх или спортивных соревнованиях. Игрок в футбол.

Человек, играющий на каком-либо музыкальном инструменте. Игрок на трубе.

Явно не то значение, которое я искала. Прямо под ним была ссылка на другой веб-сайт, называвшийся «Словарь городской лексики». Я нажала на ссылку.

Игрок

Мужчина, умело манипулирующий, или «играющий», другими людьми. «Игрок» искусно соблазняет лиц противоположного пола под видом заботы о них, хотя единственным его интересом является секс.

Хм-м. Значит, термин «игрок» используется лишь для описания мужчин? Конечно, любитель отмазок и халявы внутри меня возжелал немедленно обналичить этот купон, забрать свои две сотни баксов и купить Парк-Плейс. К сожалению, мое внутреннее «я», одержимое чувством вины и сознанием собственного ничтожества, не позволяло мне придерживаться столь высокого мнения о себе. Этот назойливый педант и зануда заставил меня заглянуть в «Интеллектипедию». До сих пор она никогда меня не подводила.

Первое же определение расставило все по местам, подтвердив мои наихудшие подозрения.

Определение «игрок» может относиться к:

«Игрок» в сфере романтических отношений – мужчина или женщина, вступающая в любовную или половую связь с представителем противоположного пола без намерения заключить брачный союз или сохранять моногамные отношения.

Вот и все, что мне следовало знать. Ответ положительный. *Миа Сандерс, дорогуша, ты – игрок.*

* * *

Посвятив непристойно много времени тому, чтобы обварить свою кожу в душе до мучительно-розового оттенка, я поднялась на лифте. Сообщение, полученное от Хизер, гласило, что я должна надеть что-нибудь неформальное, и что Антон будет ждать меня на крыше. Почему на крыше, без понятия, но кто платит, тот и заказывает музыку – так что, я просто выполнила их распоряжение. Прошел уже час, как я отослала смску Уэсу, и он до сих пор не ответил. Не знаю, что я хотела от него услышать. Может, он даст отпор и силой пробьет себе путь в мое сердце? Часть меня жаждала этого так неистово, что я едва могла дышать. Но другая предпочитала, чтобы наши отношения оставались такими, как есть, по крайней мере, сейчас. Никаких ожиданий, никаких прав друг на друга, только дружба. С бонусами.

Дружба с бонусами.

Неужели я хотела именно таких отношений с Уэсом? С моим Уэсом? Вот дерьмо. И когда он успел стать «моим» Уэсом? Полагаю, где-то между признанием, что я постепенно влюбляюсь в него, и мыслями о Калифорнии как о доме. Нет, не просто о Калифорнии. О его особняке в Малибу. Именно там я была собой, больше, чем где бы то ни было. Там я могла быть просто Миа.

Зарывав, я ткнула в кнопку лифта с такой силой, что заболел большой палец. Тряхнув рукой, я принялась наблюдать за тем, как меняются цифры на табло. Почему сейчас? После всей этой мерзкой истории в Вашингтоне, после того, как я зализала раны в Бостоне у Рейч и Мейс... и вот теперь я явилась сюда и обнаружила горячего парня, который всеми силами старался выразить симпатию ко мне или, по крайней мере, к моему телу – и все привело к этому? Или к тому уже давно все шло? К ощущению, что чувства и страхи кипят у меня в груди, словно лава под поверхностью Земли, и я готова взорваться в любой момент, как вулкан?

Лифт звякнул, и меня катапультировало в невероятно странный мир. Пышная растительность и влажный воздух, потоком окативший мою кожу, так что стало даже трудно дышать. Влажность была такой высокой, что ее можно было резать, словно брусок масла.

– Господи...

Я рефлекторно сглотнула, борясь с ощущением, что я рыба, выброшенная на сушу.

– *Lucita!* Сюда, – услышала я оклик Антона, но увидела лишь смутные контуры мужской фигуры – белое пятно, передвигавшееся от растения к растению.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что его рубашка, холщовые штаны и даже непромокаемые мокасины были белыми, хотя и забрызганными грязью. Над кустом торчала гигантская плетеная шляпа в азиатском стиле.

Остановившись, я уставилась на Антона, который полол сорняки – выворачивал у самой земли и выдергивал вместе с пучком неопрятных корней и прочим.

– Что ты делаешь?

– Садовничаю. Вон там лежат перчатки. Тебе нравится возиться с землей? – спросил он с чем-то вроде надежды в голосе.

– Боюсь, нет, – покачав головой, ответила я. – У меня в руках все по большей частидохнет.

Антон встал во весь рост. Льяная сорочка обрисовала его мышцы. Я почувствовала укол возбуждения в нижних регионах, но стоило певцу шагнуть ближе, на расстояние вытянутой руки, как все мгновенно угасло. Смотри, но не трогай. Любопытно.

– Значит, нам придется это изменить, верно?

Пожав плечами, я натянула перчатки.

– Никогда прежде не копалась в земле. У нас в Вегасе то, что называется «нулевым ландшафтным дизайном». Камни вместо лужайки перед домом, кактусы вместо кустов и суккуленты вместо цветов. Не приходится прикладывать слишком много усилий, чтобы вся эта фигня не перемерла.

– Ах, но удовольствие получаешь тогда, когда заботишься о чем-то, кроме себя самого.

Как мило.

– Вон, видишь то растение?

Я посмотрела туда, куда он указывал, и обнаружила зеленый дикий росток, не похожий на все остальные.

– Этот сорняк может заразить целую грядку азимины.

Я сморщила нос, пытаясь сообразить, что такое эта азимина. Антон ухмыльнулся.

– Это кустарник, но он красиво цветет. Видишь это?

Он поднял стебель, увенчанный цветком, не похожим на все, что я прежде видела. В центре он был окрашен в глубокий, насыщенный лиловый цвет, с тремя длинными желтовато-зелеными лепестками. Нечто уникальное, без сомнения.

– Сорняк заразит всю посадку и уничтожит ее красоту. Нечто вроде негативных мыслей. Негативных мыслей.

– То есть как?

Антон мягко улыбнулся, и его глаза вспыхнули яркой зеленью.

– Сядь рядом со мной, *Lucita*.

Я выполнила его просьбу, угнездив свою задницу на узкий край кадки с цветами.

– Негативные мысли поселяются в мозгу словно дурное семя – и когда они прорастают, то захватывают весь разум, лишая тебя способности ясно видеть истину и красоту. Видеть правду в человеке или в ситуации. В конце концов, эти мысли берут верх, и вся радость от присутствия этого человека в твоей жизни теряется. Так же и сорняк. Он прорастет и заразит всю кядку, так что красота будет уничтожена, а останется лишь то, чего тебе вовсе не хотелось видеть. Сорняк или в нашем случае, негативная мысль.

– Ты меня удивляешь, – сказала я, положив руку ему на плечо и сжав пальцы.

Но когда он, в свою очередь, положил руку мне на колено, я заледенела. Ужас и омерзение поднимались от того места, где он касался меня, вверх по ноге, охватывали тело, обручем сжимали грудь. Я задержала дыхание, поначалу даже не осознав этого. Зеленые глаза Антона впились в мои, а потом он зажмурился, медленно моргнул и убрал руку. Только тут я снова смогла дышать. Я отвернулась, обняла руками колени и задышала, медленно вдыхая через нос и выдыхая ртом. Я постаралась, чтобы Антон не заметил, но не тут-то было. Он все увидел, но ему хватило воспитания, чтобы никак это не комментировать.

Когда я наконец-то привела себя в норму, он ответил мне. Поиграв бровями, Антон облизнул свои пухлые, зовущие к поцелуям губы, и сказал:

– Я удивляю большинство людей.

В его голосе явно слышался сарказм.

– Значит, твое хобби – садоводство?

– *Si*, – кивнул он. – Мне нравится наблюдать за ростом красивых созданий. И мне нравится есть то, что я вырастил.

На сей раз в его тоне прозвучала гордость. Судя по всему, Любовничек-латинос любил свое хобби, и почему-то это делало его более реальным, немного более приземленным.

У меня в голове зазвенело слово «*есть*», оно напомнило мне о том, как жадно он ел ужин прошлым вечером и как отреагировал на известие о том, что меня не покормили.

– Ты что, равнодушен к еде? – спросила я, теребя листик незнакомого мне кустарника.

Все здесь казалось моему неопытному глазу таким странным и экзотическим.

Антон встал и, шаркая, двинулся к следующему кусту.

– Пища – это самое необходимое. Никто не должен страдать от ее недостатка.

– Звучит как слова человека, успевшего пожить без нее и знающего, каково это.

Челюсть Антона побелела, губы сжались в тонкую линию. Бинго!

– А ты собираешься объяснить мне, почему застываешь, когда я прикасаюсь к тебе даже по-дружески? Хотя я был бы не прочь прикоснуться к тебе и по-другому. Если ты не возражаешь.

Его глаза ярко сверкнули, недвусмысленно показывая, что я ему действительно нравлюсь... как, впрочем, и он мне, да только не судьба.

Шагая вдоль рядов цветов и кустарников, я оставила без ответа и вопрос Антона, и намеков на то, что он ко мне равнодушен.

Я указала на кустарник, усыпанный пушистыми желтыми шариками цветов и с листьями, похожими на листья папоротника.

– Акация Фарнеси. Она цветет круглый год, но не трогай... – произнес он именно в тот момент, когда я потрогала желтый бутон и напоролась на колючки.

– Ой!

Я отдернула палец и замахала им в воздухе. Антон схватил его и сунул себе в рот. И тут одновременно произошло три события.

Первое – внизу живота у меня вспыхнул огонь, вызвав такой прилив вожделения и желания, что между ног все мгновенно увлажнилось.

Второе – тревога и страх вгрызлись в мое тело, заставив меня застыть на месте.

И третье – в глазах все потемнело. А когда я открыла их, то обнаружила, что снова очутилась там. Я была прижата к проклятой стене.

– Ты думаешь, что ты особенная, да?

Его слова так и сочатся злобой.

Я качаю головой, стараясь говорить как можно спокойней.

– Вовсе нет.

Это правда, но, судя по его реакции, он мне не верит. Нахмурившись, он разворачивается и шагает ко мне, пока мне не приходится вскинуть руки, чтобы удержать его. Но Аарон не останавливается. Он продолжает напирать, так что вскоре я утыкаюсь спиной в бетонную стену в каком-то темном углу. Еще пару шагов, и его грудь упирается в мою, а я все еще не соображаю, что происходит. Я пытаюсь придумать, как бы выпутаться из этой ситуации, но шампанское притупляет рефлексy. Руки и ноги кажутся тяжелыми, словно налиты свинцом.

– Аарон, ты не хочешь этого делать.

Сейчас он стоит очень близко, и его нос скользит вдоль моего виска. По позвоночнику бегают мурашки, тонкие волоски на затылке встают дыбом.

– Конечно же, хочу.

Он говорит ровно, как автомат, без всяких эмоций в голосе.

Я снова толкаю его в грудь, надеясь, что он хоть немного отступит. Результат нулевой. Страх, сильный и жаркий, будоражит мои чувства, все сводится к простому рефлексу «драться или бежать».

– Пытаешься сбежать, маленькая шлюшка, – пьяно тянет он.

– Я не шлюха, Аарон. И тебе это известно.

Я отпихиваю его и бросаюсь вперед, изо всех сил желая убраться отсюда подальше. Но тут все становится только хуже.

Аарон прыгает на меня и кусает в основание шеи, там, где она переходила в плечо. Сильно. Так сильно, что я кричу во весь голос. В ране пульсирует боль. Но Аарону плевать – он пользуется тем, что намного сильнее меня.

– Мне известно, что мой папаша нанял тебя, чтобы ты изображала его шлюшку перед богатенькими друзьями-извращенцами. И мне известно, что ты работаешь в сопровождении и получаешь ежемесячную оплату. Пришло время отработать папины денежки.

– *Dios mio*, Миа. Прощу тебя! Я здесь. Это Антон. Антон! Я ничего тебе не сделаю!

Антон держал меня, крепко прижимая к себе и не давая пошевелиться.

Это грызущее чувство было таким мощным, что я рванулась изо всех сил, извернувшись у него в объятиях и закричала. Он тут же отпустил меня, словно угодившую ему в руки гранату. Я ринулась к мусорному баку, стоявшему у края теплицы, и меня вывернуло наизнанку. Мое тело сотрясали чудовищные спазмы. Учítывая, что я еще не позавтракала, в желудке почти ничего не оказалось. Слава богу. В основном кофе и желчь. Антон стоял близко, но не настолько близко, чтобы меня снова сковало от ужаса. Певец скрестил руки на груди, а шляпа повисла на резинке у него за спиной. Его глаза потемнели от сожаления, а возможно, даже от жалости.

– Не смотри на меня так! – прорычала я, вытирая рот тыльной стороной кисти.

Мне снова нужно было в душ. На лбу выступили капельки пота, желудок опять сжался. Двигаясь словно пьяная, я добралась до ближайшей скамейки и села. Антон пошел следом за мной, но садиться не стал.

Он опустил на одно колено, дожидаясь, пока я подниму голову. Наши взгляды встретились.

– Ты можешь поговорить со мной.

Его слова были проникнуты тревогой и сочувствием.

На меня, словно удар молота, обрушились гнев и раздражение.

– А ты со мной хочешь поговорить? – стукнув себя по груди, выпалила я в ответ. – Что у тебя за история с едой, Антон?

Медленно вдохнув, он сжал губы большим и указательным пальцем. Нечто темное, поднявшееся из глубины, придало его зеленым глазам цвет грозового моря. Потом он вздохнул, и его лицо смягчилось.

– Я вырос в бедной семье. Очень бедной. Настолько бедной, что нам часто приходилось выживать на одной воде и тех объедках, что мы с братом и сестрой добывали в мусорных баках шикарных ресторанов, окружавших нашу халупу. Пуэрто-Рико – это не только солнечный свет, красотки в бикини и бесконечные пляжи. Многие районы там все еще напоминают страны третьего мира. Восточная часть острова очень опасна, и именно там я вырос.

– А сколько вас было в семье?

– Трое. У меня один брат и одна сестра. Но *mi papa* умер, когда мы были совсем маленькими. *Mi tata* делала все, что могла, но я помню слишком много ночей, когда отправлялся спать голодным. Целые годы бурчания в животе.

Он встал и раскинул руки, словно король в своих владениях.

– Но с этим покончено. *Mi tata* теперь получает от меня много денег и живет тихой, счастливой жизнью, ни в чем не нуждаясь. То же самое с моими *hermanos*. С братом и сестрой, – пояснил он на английском.

Я зажмурилась и сосчитала до десяти – мой единственный способ противостоять миру. Когда пульс замедлился, я открыла глаза и сказала:

– У моего последнего клиента был сын, политик очень высокого ранга. Он избил меня, попытался изнасиловать. Подошел очень близко к изнасилованию. Слишком близко.

Даже от этих слов на языке остался привкус мерзости и гнили.

– Когда?

То, как мягко Антон говорил, убедило меня, что я могу довериться ему, поделиться тем, чем в обычной ситуации не стала бы делиться с малознакомым человеком.

– Примерно три недели назад.

– *Соño*, так недавно? Боже, Миа. Этот ублюдок в тюрьме?

В том-то и проблема. Я покачала головой, и глаза Антона сузились.

– Я не стала подавать заявление.

Признать это вслух было все равно, что получить удар зазубренным ножом в живот. И хотя я сделала это ради высшего блага, но все еще не могла смириться с тем, что он слишком легко отделался. Да, пускай он выполнил все мои требования, но это не помогло залечить глубокую, зияющую рану внутри меня – рану, которая могла затянуться лишь в том случае, если бы Аарон понес справедливое наказание.

– Нет. Были смягчающие обстоятельства. Я сделала то, что должна была сделать.

Достойного выхода из ситуации не было. Если бы я обратилась в суд, то пострадали бы не только мы двое. К тому же мне не хотелось причинять вред множеству хороших людей ради того, чтобы засадить за решетку одного больного убоюдка.

Антон кивнул.

– Иногда принимаемые нами решения даются нам труднее, чем кто-либо в состоянии представить, – сказал он без тени осуждения.

Я только что сказала ему, что негодяй напал на меня и почти изнасиловал, и я добровольно отказалась подавать на него в суд. Он ничего не знал о сопутствующих обстоятельствах и тем не менее, счел мое решение необходимым. Почему же я не могла?

Четко обозначив свои намерения, Антон сел рядом со мной и раскрыл ладонь. Он предлагал мне утешение и поддержку. Испуганная, но твердо намеренная преодолеть свой страх, я вложила свою руку в его. Было ли это похоже на прикосновение к рукам Тая или Мейса? Нет. Эти двое мужчин знали, через что я прошла, и почему-то их касания не пугали меня даже в первые дни после нападения.

Уже знакомый страх кольнул руку, взбираясь вверх по плечу. Я сжала ладонь Антона и отстранилась.

– Спасибо, – шепнула я.

– За что? – спросил он, задирая брови.

– За то, что не осуждаешь меня.

Мой голос сорвался на миг под напором эмоций.

Антон медленно вздохнул.

– Я не живу твоей жизнью. И не могу судить о том, какое решение лучше, а какое – хуже, потому что не мне их принимать. Лишь тебе предстоит жить с последствиями своего выбора. И я вижу, что последствия этого очень тебя гнетут.

Кивнув, я прижала одну свою ладонь к другой с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Так мы можем остаться просто друзьями? – спросила я, внезапно встревожившись при мысли, что это конкретное решение в восторг его не приведет.

– Я тебе нравлюсь, *Lucita*?

«Маленький огонек». Глупый паренек.

– Да, – без колебаний ответила я.

– И все же ты лишаешь себя радостей соития со мной?

Я широко улыбнулась. «Радостей соития»? Откуда он вообще выкопал это словечко?

– К сожалению, не думаю, что новый мужчина сейчас у меня в планах. К тому же у меня как бы есть кое-кто другой.

Ладно, я это признала. И что мне теперь, черт возьми, с этим делать?

Антон хлопнул себя по бедрам и встал.

– Жаль. Я с нетерпением предвкушал, как проведу с тобой ночь.

– Не думаю, что в обозримом будущем тебе грозят одинокие ночи.

– Это правда, – ответил он, поиграв бровями. – Значит, друзья?

На сей раз Антон протянул мне ладонь так, словно собирался завершить сделку рукопожатием.

– Друзья.

Он вытащил шляпу из-за спины и вновь водрузил себе на голову.

– А теперь в качестве друга ты поможешь мне выдолбить все эти сорняки.

– Я не против, Антон.

Немного поработать на солнышке и попотеть, чтобы избавиться от порожденных бурлящими эмоциями токсинов, – что может быть более релаксирующим?

– Но с одним условием... – добавила я, подбоченившись и склонив голову набок.

Антон ухмыльнулся, и в его глазах вспыхнули совершенно мальчишеские чертики, заставившие меня пожалеть о решении отвергнуть «радости соития».

– Изложи свои условия, женщина.

Из-за пуэрториканского акцента его невинная фраза прозвучала до абсурда двусмысленно.

– Я хочу сесть за руль одного из твоих мотоциклов.

Антон откинул голову и коротко хохотнул.

– Ты едешь на мотоцикле?

Удивление, сквозившее в его жестах и голосе, меня рассердило.

– Я не езжу, *куолка*, – с нажимом произнесла я, ввернув одно из тех ласковых словечек, с которыми он ко мне обращался. – Малыш, я вожу.

Радостное выражение на его лице меня обнадежило. Антон поджал губы.

– Что ж, мне не терпится выполнить свою часть контракта.

Затем он махнул рукой, указывая на большую корзину.

– Там перчатки, еще одна шляпа и ведро.

– Заметано!

* * *

Мария де ла Торре.

Так звали хореографа. Увидев ее вживую, я чуть собственным языком не подавилась. Ее волосы цвета воронова крыла вполне могли соперничать с моими в категории крутых шевелюр, а формы для танцовщицы были весьма волнующими. К тому же она была намного более мускулистой, чем я, – ее тело можно было высечь из мрамора и сделать объектом поклонения. Она говорила по-английски, но могла внезапно посреди разговора перейти на испанский. Об ее происхождении оставалось только гадать. На мой взгляд, гречанка, итальянка или, возможно, испанка. Определенно что-то средиземноморское. В целом она выглядела невероятно экзотично. Когда она шла, все взгляды были прикованы к ней. В ее движениях сквозили плавность и грация, отличавшие ее от всех здешних танцоров.

– Искусительница! – громко позвала Мария, глядя на листок бумаги. – Миа Сандерс?

Она обвела взглядом толпу, пока головы всех присутствующих не повернулись ко мне.

Мы все сидели сейчас в танцевальной студии. Я вышла вперед. Все это время я держалась у стены позади, чтобы никому не мешать. Мария опросила каждого из танцоров, заставила выполнить ряд движений, после чего уволила половину из них. Прямо на месте отправила паковать чемоданы. Жестоко, но эффективно.

Мария окинула мою фигуру взглядом льдисто-голубых глаз.

– Ты не танцовщица, – безапелляционно заявила она, даже не требуя, чтобы я повторила все те движения, которые показывали остальные.

Я почти ощутила облегчение, поняв, что мне не придется позориться перед всей съемочной группой.

– Нет, я эскорт, – пожав плечами, ответила я и уперла руки в бока.

Глаза Марии сощурились, а брови чуть заметно поползли вверх.

– Ты встречаешься с кем-то из здесь присутствующих? – прямо спросила она.

Слава богу, хоть кто-то знает определение слова «эскорт» и не считает меня автоматически шлюхой.

– Антон и Хизер наняли меня для этой роли, – улыбнулась я. – Вы можете обсудить мотивы этого решения с ними.

Мария склонила голову к одному плечу, затем к другому.

– Повернись.

Я выполнила ее требование.

– Еще раз.

Я снова повернулась, опять оказавшись лицом к ней.

– Ты умеешь танцевать?

– Профессионально?

– Нет, – рассмеялась она. – Я знаю, что ты не профессиональная танцовщица. Твое тело не может лгать. Хотя, глядя на твои формы и твою красоту, я совершенно четко понимаю, почему тебя выбрали на роль искусительницы. Нет, я спрашиваю, танцуешь ли ты ради собственного удовольствия: крутишь бедрами, плясешь танго, хулу, сальсу, хоть что-нибудь?

Я покачала головой, опасаясь ответной реакции, хотя Мария все это время вела себя абсолютно профессионально, даже избавляясь от половины танцоров.

– Ладно, мне надо обдумать твою роль и то, как мы будем подавать тебя на камеру. Если бы Антону не хотелось видеть тебя в этом хип-хоп-клипе, тебя бы здесь не было. Так что постараемся обойти твои недостатки.

Что ж, это было не так уж и плохо. По крайней мере, она не вышвырнула меня со съемок. Тем легче, и я по-прежнему получала гонорар, потому что пункт «никаких возвратов» никто не отменял. Почему-то мысль о том, что я могу разочаровать Антона, Хизер или тетю Милли, если меня отошлют домой, мне крайне не нравилась. Меня даже удивило, насколько я обрадовалась, когда Мария оставила меня в группе. Плюс мне не придется танцевать, и все такое.

Мария тем временем оперативно разобралась с остальными танцорами. Когда в комнату вошел Антон, осталось лишь несколько человек из подтанцовки и я.

– *Mamacita*, – с энтузиазмом приветствовал он Марию, заключив ее в дружеские объятия. – *Mama*, ты выглядишь просто великолепно.

Он оглядел прошедших отбор танцоров. Те бродили вокруг, разминались у балетного станка или повторяли серии шагов.

– Ты произвела тут небольшую ревизию, как я погляжу.

Мария ухмыльнулась.

– Антон, ты же знал, что я уволю большинство танцоров. Для того, что у меня на уме, такое количество тебе не понадобится. Я много раз переслушала песню в самолете. И согласно тому концепту, что я разработала, тебе понадобится в основном она, – тут хореограф ткнула в меня большим пальцем, – и, может, еще парочка из числа оставшихся.

Брови Хизер взлетели вверх, но она промолчала, держась в шаге позади от беседующих Антона и Марии. Я болталась неподалеку, не желая пропустить что-то важное, но стараясь держаться тише воды, ниже травы.

– Давайте пойдем и поговорим где-нибудь без посторонних. Если, конечно, ты не хочешь

поработать сегодня же вечером?

Вопрос повис в воздухе, дожидаясь ответа Марии.

Хореограф постучала пальцем по губам.

– No, vamos a dejar descansar esta. Van estar muertos de los pies con lo que he planeado para el resto de la semana.

Она быстро протараторила это на испанском, и ее губы изогнулись в усмешке.

Антон покачал головой и, ухмыляясь, повел Марию и Хизер к выходу.

– Usted es una mujer malvada. Me encanta.

Дойдя до двери, он обернулся, и его взгляд упал на меня.

– *Lucita*, ты должна следовать за мной, кроме тех случаев, когда один из нас, – тут он широким жестом указал на себя, Марию и Хизер, – не скажет что-то другое. *Entiendes?*

Я кивнула, сунула руки в задние карманы джинсов и двинулась за ними. Антон придерживал для меня дверь. Его взгляд соскользнул с моего лица и, спустившись чуть ниже, остановился на сиськах, а затем бегло оглядел задницу.

– О да, она прирожденная *seductora*, – хмыкнула Мария.

Пока мы шли, я легонько толкнула Хизер плечом.

– Хотелось бы мне знать, о чем они там чирикали по-испански.

Хизер запустила пальцы в волосы, ероша отдельные пряди.

– Ну, если вкратце, Мария сказала, что танцоров надо на сегодня отпустить, чтобы они могли отдохнуть. Она планирует гонять их, как проклятых, оставшуюся часть недели.

Я распахнула рот, но не сумела произнести ни слова.

– А затем Антон ответил, что она просто злодейка...

Тут тон ее голоса изменился.

– ...и что за это он ее обожает.

– Черт, подружка, ты знаешь испанский?

– Скачала обучающую программу «Розетский камень» в первую же неделю своей работы в качестве персональной помощницы Антона. Еще четыре года назад, сразу после окончания учебы. Мне понадобилась всего неделя на то, чтобы понять: если я хочу преуспеть в его мире, мне нужно точно знать, что он говорит в любое время. Однако пуэрториканский испанский немного отличается от мексиканского или даже европейского. По большей части я понимаю, что они говорят, даже когда выражения или порядок слов меняются. Что-то типа разных сленгов и диалектов в Штатах в зависимости от того, где ты живешь – на Востоке, на Среднем Западе, на Юге и так далее.

– Ого, ну все равно это нереально круто. Я вижу, как много ты значишь для Антона.

Хизер покраснела и потупилась, пожав плечами.

– Возможно, ты видишь то, чего нет.

Нахмурившись, я остановила блондинку, сжав ее локоть. Антон и Мария уже подходили к лифту.

– Идете? – окликнул нас Антон, придерживая дверь.

– Дашь нам минутку? – спросила я.

– Ну ла-адно, – согласился он и продолжил болтать с Марией на своем родном языке.

– Знаешь, что тебя выдает? Теперь, когда Мария здесь, ты ведешь себя странно.

Хизер прикусила нижнюю губу и прислонилась к противоположной стене.

– После приезда Марии все идеи и концепции, которые я разработала, будут отправлены в мусор. Прошлого хореографа я убедила добавить в постановку несколько моих новых

задумок, но сейчас...

Она резко замолчала. Разочарование так и сочилось из каждой ее фразы, словно вода из ржавого и протекающего крана.

— А к Антону ты подходила со своими идеями? — спросила я.

Она яростно тряхнула головой.

— Нет, он все равно не стал бы меня слушать. А теперь, когда она здесь, все будут в рот ей заглядывать.

Я передернулась.

— Но мне казалось, ты сама хотела, чтобы она приехала. Ты чуть не приплясывала от желания поскорей ей позвонить и привезти сюда.

— Потому что она лучшая. А Антон заслуживает самого лучшего.

Сцепив пальцы замком, я некоторое время обдумывала ее слова. Может, тут дело было в чем-то большем, чего Хизер не желала признать?

— Ты влюблена в Антона?

Вопрос сорвался с моих губ, прежде чем я успела как-то его подсластить или придумать что-нибудь поделикатней.

Хизер выпучила глаза и согнулась пополам, упершись руками в колени. Сначала по ее телу прошло что-то вроде судороги, а затем, когда девушка выпрямилась, из ее легких вырвался раскат громового хохота. Из глаз Хизер брызнули слезы, щеки покраснели, и она буквально захрюкала от смеха.

Судя по всему, моя догадка была *очень* далека от истины.

— Похоже, это значит «нет»? — поинтересовалась я.

— Извини, но нет.

Она вытерла катившиеся по щекам слезы и вдохнула всей грудью.

— Милая, я никогда на него не позарюсь. Я хочу быть с мужчиной, для которого стану единственной, а не одной из многих.

Тут она громко фыркнула.

— Нам обеим отлично известно, что Антон готов любить всех, но не привязан ни к кому.

«Готов любить всех, но не привязан ни к кому». Ничего точней в последнее время не слышала. Антон не был похож на того, кто собирается остепениться и навеки связать себя с одной женщиной.

— Тогда почему ты не можешь поговорить с ним?

— Не знаю. Каждый раз, когда я поднимаю тему художественного руководства в каком-либо из его проектов, он отмалчивается и не дает мне высказаться. Я сейчас нахожусь на том этапе карьеры, Миа, когда надо либо расти в должности, либо менять место работы.

Я кивнула.

— Так что же ты собираешься делать?

— Ну, между нами... — она оглядела коридор, проверяя, нет ли непрошенных слушателей, — со мной связался агент другой музыкальной группы. Тот, кто согласен взять меня на роль художественного руководителя, подчиняющегося непосредственно ему. Это хип-хоп-группа из Нью-Джерси. Настоящее открытие этого сезона. С теми связями, что у меня есть, и с концептами, которые я успела разработать, этот парень готов меня с руками оторвать. Готов платить почти вдвое больше, лишь бы я ушла от Антона.

Я широко распахнула глаза.

— Ого, Хизер, это просто невероятно. Чего же ты ждешь?

Она снова прикусила пухлую нижнюю губу. Взгляд хорошеньких голубых глаз метнулся в сторону, и девушка пнула ногой пол и лежащий на нем ковер.

– Ну, это сложно. Я с Антоном уже четыре года. И все вертелось вокруг него. У меня почти нет настоящей семьи. Я единственный ребенок. Родители умерли, когда я была еще очень маленькой. Меня вырастили дедушка с бабушкой, но теперь они тоже умерли.

– Ладно, но какое это имеет отношение к решению сменить место работы? Там ты получишь творческую свободу, сможешь использовать образование, ради которого столько вкалывала, и наконец-то сделать карьеру, на которую все равно уже положила жизнь.

Она запустила пальцы в свои непослушные светлые кудри.

– Миа, это так сложно. Кроме Антона, у меня нет близких людей. И даже если я не первая в его списке приоритетов, но он все равно первый в моем, – понурившись, ответила она. – Он мой лучший друг, мой единственный друг.

– Ох, милая, – я погладила ее по руке.

– Грусть-тоска, да? Я предана человеку, который меня в грош не ставит, и все равно он единственное, что у меня есть.

Взяв Хизер за плечо, я притянула ее к себе и обняла. Она крепко прижалась ко мне. Что любопытно, ее прикосновение не вызвало у меня легкой панической атаки. По щекам Хизер катились слезы, и она яростно цеплялась за меня, всхлипывая мне в шею. Я гладила ее по волосам и раз за разом повторяла, что все будет хорошо. В конце концов, всхлипы переросли в хихиканье. Отстранившись, я большими пальцами вытерла слезы с ее лица и заглянула ей в глаза.

– Ты умна, красива, и ты важнее для Антона, чем тебе кажется. Просто поговори с ним.

Хизер глубоко вздохнула и коротко кивнула в ответ.

– Поговорю. Спасибо, Миа.

– Все получится, но только если ты будешь честна с собой и с Антоном. Он не может узнать, что ты чувствуешь, если ты ему об этом не скажешь. И он точно не станет ничего менять, пока не узнает о твоих запросах и о том, что у тебя появились другие возможности.

– Как думаешь, он разозлится? – спросила она, когда мы наконец-то подошли к лифту.

Я нажала на кнопку, и внизу раздался гул ожившей кабины.

– Ты знаешь его лучше, чем я. Думаю, его очень огорчит то, что ты не обратилась к нему и что собралась уходить, не дав ему возможности все исправить. Насколько я понимаю, ты единственная, к кому он прислушивается.

– Нет, – мотнула головой Хизер. – Он делает то, что хочет и когда хочет.

– Думаю, что это чересчур резко и слегка неверно.

Она закатила глаза и скрестила руки на груди.

– Может быть.

Двери лифта открылись. Улыбнувшись, я шагнула прямо в пентхаус Антона.

– Идем, девочка моя, посмотрим, что там за история с этой мисс «Танцы со звездами».

– О нет, – фыркнула Хизер, – не вздумай сказать такое при ней. Она всю душу из тебя вытрясет. Я слышала, что у нее чертовски крутой нрав.

– Хизер, милая, как и у меня. Как. И. У. Меня.

Когда мы вошли в пентхаус, то обнаружили, что Антон и Мария отнюдь не бездельничают, сидя за столом. Нет, они устроили танцевальную дуэль прямо посреди гостиной.

– А затем твой персонаж делает так...

Мария выполнила серию сложных па, сделала кувырок вперед, крутанула бедрами, коснулась пола и отскочила назад в очередном сальто, после чего громко стукнула об пол высокими каблуками.

– ...как раз на «*Детка, танцуй со мной*».

Антон в точности повторил то, что она показывала, но, глядя на его исполнение, мы все троем застыли, как зачарованные. Стоя посреди комнаты в свободных льняных штанах – не считая инкрустированного алмазами сердца на потной груди, – он был самым воплощением красоты. Мужественное, живое и дышащее произведение искусства.

Хизер покашляла, и на нас уставились две пары глаз.

– Мы вам для чего-то нужны?

Робость в ее голосе разозлила меня. Это вряд ли прибавило ей весу в глазах двух темпераментных альфа-особей, находившихся перед нами.

Я храбро влезла в разговор.

– Хизер имеет в виду, что у нее были кое-какие идеи, над которыми она работала с предыдущим хореографом, и ей бы хотелось поделиться ими с классом.

Я покосилась на Антона. Он глядел на меня, склонив голову к плечу. Я состроила выражение «Але, гараж» и чуть двинула плечами.

Потребовалось не меньше минуты, но наконец-то до него дошло. Он снял со спинки дивана полотенце для рук и вытер пот с лица.

– В самом деле, Хи? Чего же ты раньше не сказала?

Он свел брови к переносице в неодобрительной гримасе.

Хизер плотно сжала губы и выставила вперед подбородок.

– Антон, я уже много раз пыталась изложить тебе свои идеи. Ты сказал, чтобы я обсудила все это с хореографом, и что ты согласишься на конечный результат.

Тут мы с Марией решили вмешаться, а то эти двое могли вечно играть в гляделки.

– *Mi amiga*, раз уж ты наняла меня в качестве нового хореографа, почему бы тебе не изложить свои идеи мне? Мы можем обсудить их за ужином. *Suena bien?*

– Я могу заказать доставку еды? – предложила я.

– Это моя работа, – вздохнула Хизер.

– Нет, не сегодня, – мотнула головой я. – Как насчет суши?

Я практически приплясывала на месте – то есть, скорее, дергала руками и ногами и поводила плечами. Мария, полюбовавшись этим, застонала и шепнула по-испански так тихо, что я едва ее расслышала:

– *Tengo mi trabajo por de lante*.

– Что она сказала? – спросила я у Хизер, грозно ткнув пальцем в Марию.

В глазах последней запрыгали чертики, а по лицу расплылась ехидная ухмылка.

Хизер хлопнула меня по плечу и протянула свою кредитку.

– Расслабься. Только что-то насчет того, что она создана для такой работы. Ничего

оскорбительного.

Одарив хореографа яростным взглядом, я прорычала:

– Я слежу за тобой.

Антон с Марией расхохотались и направились к кухне.

– Хочешь что-нибудь выпить, Миа? – окликнул меня Антон.

– Ага, давайте, что есть, мне без разницы.

Развернувшись, я отправилась в гостиную и, вытащив телефон, включила «Grub Hub». Приложение тут же выдало мне «Вкусную китайскую и японскую кухню и суши-бар», с рейтингом более сотни оценок и пятью звездами в среднем. И вишенка на этом торте...
бесплатная доставка! Ура, ура, скажи суши да!

* * *

– Нет-нет-нет, вы не понимаете!

Хизер говорила горячо, а еще больше ее речь подогрела водка экстракласса, которую мы активно поглощали. Девушка встала и вышла на середину комнаты. Третий раунд фруктовых мартини красовался на столе перед нами – спасибо Миа и ее великим-и-ужасным-барменским-навыкам. Я мысленно похлопала себя по спине и уставилась на Хизер, ожидая, когда та пояснит свою мысль.

– Я представляла это как смесь «Билли Джин» Майкла Джексона и «Девушки из богатого квартала» Билли Джоэла.

Мария пролистала лежащие перед ней записки, покачивая головой из стороны в сторону. Новая песня Антона повторялась по кругу, чтобы музыка не улетела.

– *Si, si*, я догоняю. Миа может вышагивать вот так.

Она изобразила сексуальную, зазывную походку.

– Затем Антон пойдет следом за ней, слегка покачивая бедрами и перебирая ногами наподобие Майкла Джексона, но в своем стиле микса хип-хопа и латиноамериканских танцев, – воодушевленно договорила Мария.

Антон ломанулся за Марией, которая начала повторять движения. Когда та крутила бедрами, я внимательно приглядывалась, потому что после команды «мотор!» это, очевидно, придется делать мне.

– Миа, иди сюда. Посмотри.

Я встала, пьяно покачнувшись, вытерла липкие от мартини пальцы о джинсы и подошла к Марии. Она развернулась и сграбастала меня за бедра, словно была моим партнером в танце.

– А теперь представь, что меня здесь нет, и двигай бедрами, когда я тебя подтолкну в бок.

Мы прошли пару шагов, и она легонько хлопнула меня по боку. Я качнулась из стороны в сторону, подчиняясь ее ритму.

– А теперь остановись, нагнись и медленно прикоснись к своему ботинку, как будто собираешься завязать шнурки. Затем погладь себя рукой по ноге снизу вверх, перейди на талию и на грудь.

Я сделала то, что она сказала.

– *Tan caliente*, – промурлыкал Антон.

Сжав мои бедра, он потерся промежностью о мой зад. Он не был груб, однако ниоткуда

вдруг повеяло липким страхом, и я мгновенно вспотела.

– Анто-он, – предостерегающе выдохнула я.

Мои губы дрожали, выдавая испуг, который я не могла выразить словами. Должно быть, он так и светился у меня в глазах, потому что руки Антона отдернулись, словно ошпаренные.

– Извини, *тийеса*.

Развернувшись, я положила руку ему на грудь.

– Нет, это ты меня извини. Мы же просто репетируем. Это пройдет. Я обещаю.

Зажмурившись, я отправила небесам краткую молитву, умоляя, чтобы эта фигня с прикосновениями прошла, и как можно скорее. Моя работа зависела от этого.

С другого конца комнаты я услышала гудение своего телефона – пришла новая смска. Антон приподнял подбородок, очевидно, показывая, что я могу на минутку отвлечься. Метнувшись к своей сумочке, лежавшей на кухонном прилавке, я выдернула из нее телефон и прочла сообщение.

От: Уэса Ченнинга

Кому: Миа Сандерс

Я ни за что не пропущу твой день рождения. Смирись с этим. Через неделю я буду в Майами. Мы сделаем это, по-хорошему или по-плохому. Выбор за тобой, милая, но от встречи со мной ты не увернешься.

К сожалению, я и не подозревала, что у меня есть зрители. Хизер беззастенчиво прочла сообщение через мое плечо.

– Кто такой Уэс? Твой парень?

Кем же был Уэс? Действительно, хороший вопрос. Моим другом, любовником, парнем, мужчиной моей мечты? В каком-то смысле всем перечисленным и даже больше.

– М-м-м. Точно друг, ну и вроде как парень. Мы пока что не определили наши отношения. Просто мы не спешим. Ну, ты знаешь, как это бывает.

– Я? – фыркнула она. – О нет. Я королева секса на одну ночь. С моей работой не остается времени на близкие отношения, хотя, надеюсь, однажды это изменится.

Антон перекинул руку через плечо Хизер.

– Да ладно, Хи. Помнишь этого парня, который просто сох по тебе пару недель назад? Его чуть кондратий не хватил, когда я без стука ворвался к тебе в квартиру.

– Помню, Антон, – простонала она. – Не надо мне об этом напоминать.

Любовничек-латинос расхохотался и хлопнул себя по бедру.

– Ты скакала на нем, как укротитель на быке! Что с ним случилось?

– Ты! Ты случился с ним, Антон. Как и с Ризом, и с Дэвидом, и с Джонатаном. Каждый раз, когда я сближаюсь с каким-то парнем, ты все портишь своими требованиями и внезапными появлениями у меня в квартире без стука. Ты отпугиваешь их, прежде чем у меня появляется шанс превратить это в нечто большее.

Тут она фыркнула и недовольно надула губы.

Глаза Антона вспыхнули, как раскаленные добела угольки.

– Ты что, шутишь? Ты обвиняешь меня в своих любовных неудачах?

– Нет, – парировала Хизер, скрестив руки на груди. – Я вовсе не шучу! Когда самый известный хип-хоп-певец в стране вваливается в твой дом без приглашения и называет тебя «крошкой», да еще если учесть, как ты выглядишь, – это производит не лучшее впечатление

на потенциальных ухажеров!

Поднеся руку ко лбу, девушка прижала большой и указательный пальцы к вискам.

– И почему я вообще это терплю? – проворчала она себе под нос.

Плечи Антона поникли. Приподняв голову Хизер за подбородок, он заставил девушку взглянуть на себя.

– Хи, крошка, поговори со мной.

– Поговорить с тобой! Что ж, давай поговорю. Мне предложили другую работу. И, думаю, я приму предложение. Ну как, нормально поговорили?

В этой просторной комнате ее голос прозвучал неожиданно громко.

– Что?! *Хрена с два* ты от меня уйдешь! – взревел Антон.

О-о нет. Мы с Марией пятились, пока не наткнулись на край кухонного прилавка.

Хизер ткнула пальцем в Антона.

– Я устала от того, что ты не прислушиваешься ко мне. И не продвигаешь меня!

Ее голос взвился на пару октав, и я поднесла к губам свой бокал с мартини. Мария сделала то же самое, и мы принялись наблюдать за разворачивающимся сражением.

– Не прислушиваюсь к *тебе*? Да ты единственная, к кому я вообще прислушиваюсь! – запротестовал Антон. – Чего ты хочешь? Больше денег? Заметано!

Лицо Хизер скривилось в гримасе, настолько болезненной, что даже я ощутила всю силу кипящего в ней гнева.

– Дело не всегда в долбанных деньгах! Ах-х, ты так меня бесишь.

Дернув себя за волосы, она крутанулась на месте, встав лицом к панорамному окну с видом на Атлантический океан.

– Может, будет лучше, если я уберусь отсюда.

Антон сделал два шага и положил руки ей на плечи.

– Нет. Я тебя не отпущу.

В его словах отчетливо слышалось сожаление.

– Может, у тебя не будет выбора. Это моя жизнь, – шепнула она со слезами на глазах.

– Но ты идеально мне подходишь. Ни с кем другим я не смогу работать.

– Я больше не могу быть твоей помощницей.

– Но ты не моя чертова помощница, – скривился он. – Да, верно, ты ведаешь моими делами, но ты ведаешь и всем остальным! Чего ты от меня хочешь? Просто попроси, Хи, и это будет твоим. Я не смогу идти к своей цели, если ты не будешь шагать рядом.

Мария ткнула меня локтем.

– Они спят друг с другом?

Если бы я не знала, что это не так, наверняка бы заподозрила то же самое. Я покачала головой.

– Может, им стоит попробовать, – заметила хореограф.

– Нет, это что-то типа соперничества между детьми в семье. Вроде ссоры со своим закадычным другом. У тебя есть друзья?

Лицо Марии осветилось широченной усмешкой, сделавшей ее несравненно более привлекательной. Вот сучка. Мне хотелось бы возненавидеть ее, но она была слишком классной и к тому же доказала, что с ней стоит считаться. Она вела себя совершенно профессионально, не считая того, что была мастером своего дела.

– Три сестры по духу. Эти стервы распоряжаются мной, как хотят. Я становлюсь абсолютно *loco*. Примерно как эта парочка, только они так и не удосужились сказать друг

другу, насколько друг для друга важны. А теперь мы наблюдаем последствия этой ошибки.

По мере того как страсти накалялись, губы Марии приоткрывались в молчаливом «о». К сожалению, все кончилось слишком быстро – Хизер выбежала вон, хлопнув входной дверью. Черт, наверное, я пропустила все интересное.

– Вот дерьмо! – выкрикнул Антон. – *Terca puta mujer!*

Оглянувшись на Марию, я заметила:

– Думаю, это наш сигнал на выход.

Она кивнула.

– Когда мужчина начинает орать об упрямой чокнутой бабе, лучше ему под руку не попадаться. Пускай выпустит пар.

Мы на цыпочках убрались из кухни и покинули кондо. Нас обеих поселили в меблированных квартирах для гостей, так что из лифта мы вышли на одном этаже.

Мария направилась в одну сторону, а я в другую.

– Эй, – окликнула я ее.

– Да?

– Как думаешь, я нормально справлюсь с этой работой?

– Разумеется. Ведь у тебя есть я.

Она подмигнула, распахнула свою дверь и помахала мне рукой.

* * *

Под моей задницей громко урчал двигатель. Я выехала из гаража на улицы Майами. Антон вел «Icon Sheene», черный с хромовыми дисками. На Любовничке-латиносе были черные джинсы, белая футболка и черная кожаная куртка. Я щеголяла в собственных джинсах Lucky Brand, изрядно потертых и мягких в точности там, где было нужно. А именно на заднице. Мой филей смотрелся в этих штанцах чертовски соблазнительно, и я отлично об этом знала. Волосы я заплела в косу и запихнула под кожаную куртку, которую надела поверх красно-бело-черной концертной футболки White Stripes. Ее я заполучила, когда мы с Джин пробились на их выступление в Вегасе несколько лет назад. «Seven Nation Army» до сих пор оставалась одной из моих любимых песен.

Я восседала на оранжево-черном «КТМ Супер Дьюк». Он гудел у меня между бедрами, лаская расположенное там чувствительное местечко лучше всякого любовника. В поездке на мотоцикле были какая-то непревзойденная красота и свобода.

Антон махал рукой, показывая мне дорогу через Майами и Сауф-Бич. На светофорах он потчевал меня коротенькими байками о разных районах города.

– Вот тут местные и туристы трясут своими *culos*, – сказал он, указывая на бесконечный ряд клубов на Вашингтон-авеню.

Потом мы пересекли Коллинз-авеню с ее многочисленными ресторанами и гостиницами.

Конечно же, мы выехали на Оушен-драйв. С одной стороны выстроились приземистые здания в стиле ар-деко, которые Хизер показала мне в день моего приезда почти две недели назад. С другой тянулась широкая полоса травы, засаженная пальмами – и так до тех пор, пока трава не переходила в песок, а дальше уже не было ничего, кроме океана.

Мы остановились в излюбленной туристами и местными забегаловке под названием

«Джелато-Гоу». Я никогда не пробовала этого итальянского лакомства, но Антон поклялся, что оно того стоит.

Мы ввалились в небольшую кафешку, несколько выбиваясь из толпы посетителей. Наверное, Антону так было удобней, потому что обычно его везде узнавали. Войдя внутрь, он остался в солнцезащитных очках. Я сдвинула свои на лоб, разглядывая меню.

– Значит, джелато – это вроде мороженого?

Антон кивнул.

– Ага. В итальянском стиле, только его делают не из сливок, а из молока. Плюс его не так долго взбивают, так что внутри остается немного воздуха, и это придает ему воздушность. Я предпочитаю его, потому что вкусы ярче, к тому же оно полезней.

Я изучила все варианты. Шоколадное показалось мне слишком темным – я решила, что по вкусу это будет что-то вроде горьких канноли, которые подают в итальянских ресторанчиках. Буэ-э-э. Я ненавидела канноли.

Ко мне подошел тощий, жилистый парень с волосами, обработанными гелем и зачесанными назад в стильную прическу. На его футболке надпись гласила «Джелато-Гоу, свежеприготовленное, полезное, легкое, с низким содержанием жира, вкусное и сливочное». На бейджике на его груди значилось «Фреш Франческо», и, хотя он вполне мог оказаться итальянцем, точно определить было сложно.

– *Bella signora*, Франческо может вам чем-то помочь?

Акцент у него определенно был итальянский. Это разрешило загадку.

– Не знаю. Мой друг...

Тут я показала на Антона, который сейчас значительно больше смахивал на Терминатора, чем на свое альтер-эго в форме Любовничка-латиноса.

– ...сказал, что за твое джелато и умереть не жалко. Учитывая, что раньше я никогда джелато не пробовала, что ты порекомендуешь?

Фреш Фрэнни улыбнулся с бешеным энтузиазмом.

– Ох, *signora*, вам понравится абсолютно все. Каждый день мы готовим свежее, из домашних продуктов, с минимальным количеством сахара и без жирных сливок. Вы сохраните свое тело в форме на долгие годы, чтобы снова и снова приходить сюда и наслаждаться нашим лакомством! – посулил он.

Это заставило меня рассмеяться.

Я ткнула пальцем в контейнер с чем-то зеленым с неясными вкраплениями.

– Что это?

– О, отличный выбор. Наше знаменитое фисташковое. Мы доставляем орехи прямо с Сицилии, чтобы добиться особенного неповторимого вкуса.

Антон перегнулся через мое плечо и шепнул мне на ухо:

– Это совершенно изумительно и очень вкусно. Но я бы скорее порекомендовал что-то попроще. Тебе нравится карамель?

– Любит ли азартный игрок деньги? – парировала я, наградив его своим фирменным взглядом «да-ты-наверное-прикалываешься».

Антон хмыкнул. Ох, как мне понравился этот смешок! Он напомнил о добрых старых временах и о другом горячем красавчике, который появится здесь уже завтра.

– Я практически уверена, что девяносто девять процентов населения этой страны любит карамель. А если они утверждают, что нет, то врут. Обычно пытаюсь избежать встречи с тем, от чего потолстеют при одном взгляде.

Франческо терпеливо наблюдал за нами, пока мы обсуждали достоинства каждого вкуса. Что клубника – это слишком скучно, если я хочу попробовать нечто новое и необычное. Я собиралась пуститься во все тяжкие. Как говорится, всё или ничего.

– Фреш Фрэнни, дайте мне карамельный *dulce de leche*, пожалуйста.

– Великолепный выбор!

Он наполнил сливочным десертом самый большой стаканчик.

Уверена, что, когда добрый Фрэнни протянул его мне, глаза у меня стали размером с две пиццы.

– Я должна была предупредить, что хочу маленькую порцию, – сказала я, меряя взглядом гигантское угощение.

Фрэнни тряхнул головой. Его прическа качнулась, но осталась безупречной.

– Все приходят за добавкой. Так что не разменивайтесь.

– Как скажешь.

– Так и скажу.

Антон, разумеется, заказал фисташковое, что изрядно меня разозлило. Предупредил, что мне не стоит его брать, и сам же заказал!

– Ну ты и гад! – выругалась я.

– Что?

Он сдвинул очки на лоб и сунул в рот огромную ложку джелато. М-м-м-м, я бы с радостью весь день напролет любовалась тем, как он ест мороженое. Это выглядело так соблазнительно. Внезапно мне стало жарко. Я сняла куртку и повесила на спинку стула. Антон сделал то же самое.

Некоторое время мы сидели молча, наслаждаясь лучшим на свете джелато. Конечно, я пробовала его впервые, но ничего вкуснее и вообразить не могла. По текстуре и мягкости это напоминало нечто среднее между мороженым и замороженным йогуртом. А я была большой поклонницей и того и другого.

– Как собираешься поступить с Хизер? Она все еще злится?

– Она в бешенстве и почти не разговаривает со мной.

Он нахмурился и сунул в рот еще ложку.

– Не знаю, что делать. Я не могу ее отпустить.

– А если ей надо уйти?

Антон передернулся, сдвинув брови к переносице.

– Я уже знаменитость. Работа со мной сделает ей имя скорее, чем с каким-то новичком.

– А ты готов поделиться с ней престижем?

– Престижем?

– Ну знаешь, почетом. Дать ей важную роль.

Он сморщил нос и прищурился.

– Так все из-за этого? Она не хочет быть просто моей помощницей?

Мне так и хотелось сказать: «Ну надо же, дошло», но я удержалась – он явно ни черта не понимал.

– Мне кажется, что Хизер умна.

Антон на это кивнул.

– Красива.

Снова без возражений.

– Но она намного больше, чем персональная помощница. Тем вечером ты сам сказал,

что она всем распоряжается. Или, по крайней мере, принимает во всем участие.

– Да, и что? К чему ты ведешь? Давай уж выкладывай напрямую, *Lucita*.

Запихнув в рот еще один кусочек джелато и позволив ему растаять на языке, я сглотнула и отложила ложку.

– Я думаю, что она хочет быть твоим менеджером или агентом. Я не знаю точного термина, но если она организует твои выступления, возглавляет твою команду и заботится о тебе...

Тут я снова взяла ложку и ткнула ей в него.

– ...то мне сдается, что она уже выполняет эту работу, только без соответствующей зарплаты, престижа и должности. И при этом она пытается справиться со всем в одиночку. Может, ей самой уже нужен персональный помощник! – фыркнула я.

Антон поднес обе руки к лицу и провел ими ото лба к щекам и губам – жест полнейшего бессилия.

– Ты права, Миа. *Cristo en una cruz, tienes razón*.

Это я смогла понять, и не требуя перевода.

– Вся жизнь этой девушки вертится вокруг тебя. Знаешь, она сказала мне, что у нее вообще нет друзей, кроме тебя. Что ты – ее единственная семья. Ее лучший друг.

– Она так сказала?

Его глаза потемнели, и он потер рукой подбородок. Я кивнула.

– Черт, Хи всегда была моим лучшим другом.

– А ты когда-нибудь говорил ей об этом?

– Я думал, что она просто знает.

Судя по тону, известие о том, что Хизер несчастна, полностью его уничтожило.

– Знаешь, что говорят о тех, кто слишком много думает?

Взгляд Антона помрачнел, а уголок губ пополз вниз. Он мотнул головой.

– Индюк думал, думал, да в суп попал!

Антон покачал головой и снова зарылся в свое зеленое мороженое.

– Ты чокнутая. Тебе об этом говорили?

– Постоянно, но обычно моя лучшая подруга Джинель описывает это в более красочных выражениях.

Когда я произнесла «лучшая подруга», Антон снова поник. Взяв стаканчик с недоеденным лакомством, он зашвырнул его в мусорку. Между его бровями залегла жесткая морщинка, а красивое лицо исказила хмурая гримаса.

– Пойдем. У тебя репетиция, а я должен поговорить с моей девочкой.

Мысленно я победно вскинула кулак и сплясала торжествующий танец.

Затем поглядела на «Супер Дьюк» под собой и проделала это по новой.

– Еще раз! – проорала Мария. – Нет. Уберите музыку.

Она махнула рукой, подняв ее высоко над головой, и музыка смолкла.

Я стояла в углу, ожидая своей очереди на экзекуцию. Весь день я работала над одной сценой. В основном прогуливалась ультрасексуальной походкой, покачивая бедрами, нагибалась, распрямлялась, трясла сиськами и прогибалась назад. По замыслу, Антон должен был следовать за мной, выполняя свои движения с группой подтанцовки. Некоторые па из тех, что я пыталась выучить, повторялись и в его партии. Говоря откровенно, все это и рядом не лежало по сравнению с тем, что выделявали под руководством Марии другие танцоры, а я уже едва на ногах держалась. Это был чертовски долгий день. Мне нужен был душ, еда и постель. К тому же завтра был мой день рождения, и Антон освободил меня на весь день. А еще это означало, что приедет Уэс.

Когда я думала о своем вальяжном киношнике-серфингисте, во мне в равной степени боролись возбуждение и робость. Мне так сильно хотелось увидаться с Уэсом, что даже зубы ныли. В то же время мне не хотелось остаться с разбитым сердцем, когда я, наконец, сообщу ему, что готова стать для него особенной. Единственной девушкой. Его девушкой. Будем надеяться.

Но, чтобы это случилось, ему придется отделаться от Джинны ДеЛука. Больше никакого секса без обязательств с самой горячей кинозвездой страны. Даже при одной мысли о ней зеленоглазое чудовище подняло свою уродливую башку. Если мы собираемся сделать это, нам придется хранить верность друг другу. *Вот черт. Верность.* Уже очень давно я не произносила это слово и уж точно не связывала его с представителями противоположного пола. В основном потому, что каждый раз, когда я это делала, меня подставляли тем или иным способом.

– Миа, *hermosa*, иди сюда.

Мария указала туда, где на полу был нарисован жирный черный крест. Именно здесь при съемках видео мне надо было остановиться и исполнить свой собственный кувырок. Мария убедилась, что я точно знаю, сколько шагов мне надо пройти, как расположить руки и ноги и где будут находиться все остальные танцоры. Они с Хизер решили, что все танцоры должны вожделеть меня и отплясывать вокруг меня, пока я иду, сажусь и прислоняюсь к стене. Мне надо было выучить несколько небольших комбинаций, но большую часть я уже запомнила. Мария была благожелательным хореографом и обладала неистощимыми запасами терпения. Каждый раз, когда я ошибалась, остальные танцоры строили хмурые гримасы – они понимали, что придется повторять фрагмент снова. Мария, однако, без лишних слов заставляла их вновь и вновь повторять свои партии. Хореограф утверждала, что только так они добьются совершенства.

Мария поставила меня на нужное место, а сама заняла место Антона.

– Повтори свою комбинацию.

Сказав это, она метнула взгляд на танцоров.

– Я делаю это не потому, что Миа нужна помощь. Вы все не блещете. Мне плевать, что вы устали. Мне плевать, что у вас болят мышцы и натерты ноги. Хотите сняться в лучшем хип-хоп-видеоклипе современности?

Ее голубые глаза, нацелившиеся по очереди на каждого из танцоров, стали холодны как

лед.

– Так вот, такова цена. *Trabaja por el*. Работайте ради этого!

Свое наставление она повторила на английском, как поступала частенько.

– А теперь, Миа, давай с начала.

Я вернулась в угол комнаты и глубоко вздохнула, сосредоточиваясь на том, чего хотела добиться. Это был мой первый музыкальный видеоклип. Мое лицо появится в телевизоре, в Интернете и на экранах смартфонов по всему миру. *Ты готова, девочка. Выполни все безупречно ради Мариш, ради танцоров, ради Антона... да к черту, я делаю это ради самой себя!*

Включилась музыка, свет потускнел, и я начала поводить плечами и покачивать бедрами. Практически в стиле Джессики Рэббит из «Кто подставил Кролика Роджера». Когда зазвучала нужная нота, я двинулась к центру комнаты. Не успела я сделать и пяти шагов, как мне на бедра легла пара мускулистых мужских рук. Музыка заиграла громче. Я зажмурилась и погрузилась в ритм танца, выгибая спину, позволяю Антону вжиматься в меня сзади и положив одну ладонь ему на затылок. Аромат кокоса заключил меня в кокон, где остались лишь веселье и солнечный свет. Бедра терлись о мое тело, руки цепко держали. Затем Антон крутанул меня на месте и прогнулся назад, выгнув спину на уровне моего живота. Я повторила его движение, изгибаясь изо всех сил. Антон упал на пол, как и другие танцоры, словно я его оттолкнула. Затем, встав на колени, он принялся активно поддавать бедрами, без стеснений демонстрируя свою мужественность.

«Детка, танцуй со мной...» – толчок

«Я всю ночь проведу с тобой...»

«Позволь мне тебе помочь...» – толчок

«Я с тобой проведу всю ночь...»

Музыка идеально соответствовала нашим движениям. Ближе к концу песни Антон продемонстрировал сумасшедшую пробежку по зеркальным стенам студии в стиле ниндзя, после чего спрыгнул вниз, приземлился на ноги, схватил меня за талию, встал на одно колено и перебросил меня через него. Моя спина прогнулась почти до пола – и Антон с силой впечатал поцелуй в мои губы.

И тут это произошло... снова.

Я успеваю неплохо съездить ему по рту, разбив губу, прежде чем он одной рукой сжимает мои руки, а второй принимается меня тискать. Ярко-алые капли текут по его подбородку, окрашивая зубы в тошнотворно-красный, зловещий цвет. Он с силой вдавливают меня в бетонную стену. Я ощущаю острую боль – жесткая поверхность сдирает нежную кожу с моей спины. Он еще сильнее прижимает пах ко мне, снова и снова, трахая меня всухую. Его эрекция, словно стальной прут, вгрызается в мою киску.

Я кричу, но он прижимает губы к моему рту так быстро, что вырывается лишь серия приглушенных, нечленораздельных звуков. Слыша тошнотворный звон расстегиваемой пряжки и треск молнии на штанах – щелчок каждого зубчика раздается так явно, словно в замедленной съемке, – я кричу изо всех сил. В отместку Аарон прокусывает мне губы и бьет головой о стену. В глазах пляшут звезды и радуги, и зрение слабеет. Он грубо дергает подол

моего платья и задирает на талию. Прохладный воздух касается обнаженной кожи. В глазах бегают световые пятна и полосы, я несколько раз моргаю, стараясь не потерять сознание. Аарон грубо проводит пальцами по моему животу и нащупывает свою цель. Он резко сжимает мою кисть, вдавливая ногти в мягкую плоть. Я слышу собственные всхлипы. Рот наполняется желчью, горло жжет так, что меня начинает тошнить.

– Я сейчас оттрахаю тебя так жестко, как ты, шлюха, заслуживаешь. Долбаная белая шваль, – ревет Аарон, брызгая слюной мне в лицо.

Это тот самый мужчина, который лапал меня во сне и не проявил ни малейших угрызений совести, когда я упрекнула его в этом. Аарон Шипли, сенатор от Калифорнии, собирается меня изнасиловать. Прямо здесь, на публике, всего в шестидесяти с небольшим метрах от развернувшейся в парке многолюдной вечеринки.

Я ощущаю, как головка его члена утыкается мне в ногу, как он ведет его по внутренней части моего бедра.

– Нет, – шепчу я и мотаю головой, лишь для того, чтобы получить в ответ омерзительную ухмылку.

Он зажимает мне ладонью рот, заглушая мой крик. Я впиваюсь в ладонь зубами. Рот наполняется соленым, медным привкусом крови. Аарон выкрикивает ругательство и снова бьет меня головой об стену. Я уже не могу удержаться на ногах и сползаю по стене вниз. Мое тело становится практически невесомым. Еще пару секунд – и я погружусь в черноту, и тогда он возьмет меня.

– Убери от меня свои гребаные лапы!

Я завопила так громко, что чуть не снесла крышу зала.

– Миа, нет, нет! *Lo siento. Lo siento.* Прости. *Lucita*, очнись. Вот дерьмо!

Придя в себя, я обнаружила, что Антон баюкает в ладонях мою голову. В желудке все ходило ходуном. С трудом поднявшись на ноги, я метнулась к ближайшему мусорному ведру и рассталась с обедом. Мария стояла рядом, придерживая мои волосы и шепча на ухо что-то ласково-успокоительное.

Когда приступ тошноты прошел, мне в руку сунули полотенце и бутылку с водой. Я жадно опрокинула в горло освежающую жидкость, но пока желчь не смылась обратно в желудок, мне казалось, будто я глотаю бритвенные лезвия.

Взгляд Марии стал жестким, холодным и темным. Взяв за руку, она увела меня в небольшую комнатку рядом с танцевальным залом.

– Кто тебя мучает? У меня много знакомых. Очень, очень богатых знакомых, которые не будут спокойно смотреть, как какой-то ублюдок издевается над порядочной женщиной.

– Мария, нет, – я покачала головой. – Это не то, что ты думаешь.

В ответ испанка подбоченилась и склонила голову набок. Черные пряди выбивались из хвоста у нее на затылке.

– В самом деле? А по-моему, кто-то ранил тебя так сильно, что у тебя появились возвратные вспышки. И это не считая того факта, что ты застываешь всякий раз, когда кто-то из танцоров-мужчин или Антон прикасается к тебе. Так скажи мне, разве это неправда? Я что, навоображала себе все это? Я точно знаю, как выглядит женщина, над которой издеваются, *hermosa*, потому что сама была такой. Много лет. И я не намерена смириться с тем, что такое дерьмо происходит с хорошими женщинами – как и мои друзья. Черт, да сам Антон этого не допустит.

Откинув волосы за спину, я глубоко вздохнула и взглянула ей в лицо.

– Антон знает. Никто из вас ничем не сможет помочь. Я уже разобралась с этим, – солгала я.

Технически говоря, я действительно разобралась, так что это не было настоящей ложью. Другой вопрос, что с последствиями разобраться мне пока не удавалось.

– Мне нужно больше, Миа, потому что сейчас я просто стораю от бешенства. *Miu caliente*, как говорится, и не в хорошем смысле. Я, так сказать, хочу крови. Даже если тебе будет больно, даже если ты расплачешься или захочешь что-то разбить. Ты должна выплеснуть это из себя. Ты не можешь держать это внутри. Поверь мне, я прошла через это и, пережив все, стала сильнее и умнее.

Ее слова почти тянули на речь или даже на проповедь. Это было что-то, во что она верила на сто процентов. Что-то очень личное, какая-то часть ее души, и ей хватило сил поделиться этим со мной.

– У моего последнего клиента был сын, который напал на меня в физическом и сексуальном смысле. Мне пришлось провести несколько дней в больнице.

Ее глаза широко распахнулись и вспыхнули, как тысячи костров в сухом и мертвом лесу.

– Я постепенно прихожу в себя, но есть небольшая проблема с прикосновениями. Это странно. Я не понимаю, что происходит.

Мария подошла ко мне и уселась на письменный стол, к которому прислонялась я.

– Ничего тут нет странного. Если твое доверие к противоположному полу разрушено, восстановить его может быть нелегко. Антон знает?

Я кивнула.

– Тогда ему не следовало целовать тебя и так прижимать к себе.

Я раздраженно вздохнула.

– Мы с Антоном работали над этим. С танцем все было в порядке, даже когда Антон прижимался ко мне, но в ту секунду, когда он перегнул меня через колено и поцеловал, я... я вернулась туда. В тот вечер.

Мария кивнула и обняла меня за плечи.

– Во-первых, Антон не должен был делать то, что сделал.

Я попыталась вмешаться, но она вскинула руку.

– Нет, он знал о твоей проблеме, но его бросок поставил тебя в сексуально уязвимую позицию. Не слишком умно. Я поговорю с ним о его импровизации. Эта сценка не входила в изначальную постановку. Собственно говоря, этот *carbon* не должен был овладеть соблазнительницей. Вся суть в том, что она недоступна!

Судя по всему, Мария была изрядно возмущена. Ее идеально очерченные черные брови сошлись к переносице, а красивые губы поджались.

– Может, он просто слишком вжился в роль, – слабо улыбнулась я.

– Ага-ага, – прищурилась она. – Я покажу ему, как распускать руки.

Затем хореограф снова стиснула мое плечо.

– С тобой все будет в порядке. На это понадобится время. И, возможно, тебе следует поговорить с профессиональным психологом. Думаю, рассказать обо всем мне, Антону и всем, кому ты небезразлична, – это тоже не лишнее.

Ее слова заставили меня вспомнить о Джинель. Надо было поговорить с ней об этом. По-настоящему поговорить, а не обходить молчанием, делая вид, что ничего не случилось. Рассказать ей, получить ответную реакцию. Джин разозлится. Даже более того. Будет

взбешена до чертиков и одержима жаждой убийства, но она меня выслушает, позволит выдохнуть и пережить все это. Да, так я и сделаю. Ближе к вечеру я позвоню ей, и мы все обсудим.

– Так, с этой сценой мы покончили. Завтра у тебя выходной. Можешь сейчас отправиться к себе. Хочешь сегодня поужинать со мной?

– Извини, Мария, – ответила я, покачав головой, – но я совершенно вымоталась. Я лучше приму ванну, сделаю сэндвич с арахисовым маслом и джемом и расслаблюсь перед телеком, перед тем как вырубиться. Ты, вообще, представляешь, как ты нас гоняешь? А ведь в физическом плане мне не приходится выкладываться так, как остальным!

Ее глаза блеснули. Гнев в них угасал, сменяясь обычным льдисто-голубым взглядом, от которого, клянусь богом, было не оторваться, смотри хоть дни напролет.

– Тяжелый труд приносит пользу. Это заставляет тебя больше ценить конечный результат.

Мы встали, и она отвела меня обратно в танцстудию.

Антон все это время расхаживал взад и вперед по залу, чуть не протерев дыру в полу.

– Lucita!

Его плечи поникли.

– Я увлекся. *Lo siento*. Пожалуйста, прости меня.

Вид у него был настолько грустный и убитый, словно он сотворил нечто ужасное. Но это было не так. Может, он, конечно, и потерял голову на секунду, но его реакция на атмосферу, царившую в зале, и на сам танец была совершенно естественной. Если бы я не была в таком раздвиге, я бы восприняла это вполне положительно. Позабавилась, а, может, и поощрила бы его.

– Антон, серьезно, все в порядке.

Я шагнула к нему, широко раскинув руки. Он подошел вплотную и встал рядом, позволяя мне обнять его. Теперь, когда его руки не сжимали меня, находиться рядом с ним было легче. Приятней.

– Ты можешь обнять меня.

Подняв руки, он крепче прижал меня к груди. Страх и беспокойство тут же вновь закопошились во мне, но я заставила их умолкнуть. Антон был хорошим человеком с огромным сердцем. Он совершил ошибку, которая даже ошибкой бы не была, не стань я жертвой насилия.

– Извини, Миа. Больше такого не случится, – шепнул он мне на ухо и отпустил меня.

Мария хлопнула в ладоши, привлекая всеобщее внимание.

– На сегодня все, ребята. Расходитесь по домам. Завтра у вас выходной, а потом будем репетировать еще пару дней, чтобы все прошло без сучка, без задоринки. А затем запись!

Десять танцоров ответили радостными воплями, обнимаясь и хлопая друг друга по плечам.

– Ты уверена, что будешь в порядке? – спросил у меня Антон как раз в ту секунду, когда в зал вошла Хизер.

Она увидела нас и нахмурилась. Я попыталась выдавить улыбку.

Девушка остановилась примерно в метре от нас, скрестила руки на груди и поджала губы.

– По слухам, ты хотел со мной поговорить?

Антон немедленно ошетинился.

– Прохладный прием, – проворчал он.

Я рассмеялась, снова обняла его и отступила.

– Идете ужинать? – спросила Хизер.

– Не-а, – покачала головой я. – Сегодня поем у себя. Мне надо отдохнуть и понежиться в горячей водичке, *размочить мышцы!*

Последние слова я произнесла громко, чтобы Мария могла слышать. В ответ она поддержала сиськи и рассмеялась, склонив голову к плечу и явно гордясь собою. Черт, эта сучка была такой клевой. Полный пакет: от роскошного тела до потрясающего танцевального мастерства и прочего в одном флаконе. Интересно, был ли у нее парень. Алек перевернул бы ее мир с ног на голову. Черт, Алек частенько переворачивал мой мир с ног на голову.

Больше никаких Алеков.

Вздохнув, я подошла к Хизер, крепко ее обняла и шепнула ей на ухо:

– Не прессуй его слишком сильно. Может, он и недотепа, но зато любит тебя как сестру. Помни о презумпции невиновности, ладно?

Я отстранилась, держа ее на расстоянии вытянутой руки. Голубые глаза девушки налились слезами, и она кивнула.

– Ладно, задай ему жару! – воскликнула я, от души шлепнув ее по заднице.

– Ой! Стерва! – взвизгнула Хизер, хотя, судя по энтузиазму в голосе, я ничуть ее не разозлила.

Не оборачиваясь, я показала ей средний палец.

– Крутила я тебя на тую!

Хизер у меня за спиной ахнула и обратилась к Антону:

– Нет, ну ты видишь?

Антон рассмеялся, а затем я услышала приглушенное «у-умпф». Развернувшись, я обнаружила, что Антон пытается удушить Хизер в объятиях.

– Не бросай меня, Хи. Ты нужна мне.

– Не нужна я тебе.

– Чушь! Ты заботишься обо мне.

Я задержалась, чтобы услышать ее ответ.

– Да, знаешь что? Так и есть. Пришло время тебе осознать это и сделать выводы, или я ухожу.

– Уйдешь, и я побегу за тобой. Ни одна другая группа не получит моего агента, – взревел он.

– Агента?

Это прозвучало прерывисто и хрипло, словно ей больно было произнести само слово.

– Верно. Кто-то хочет, чтобы я спел на их площадке? Обращайтесь к моему агенту. Хотите, чтобы я продвигал ваш продукт? Обращайтесь к моему агенту. Хотите, чтобы я участвовал в церемонии награждения? Обращайтесь к моему агенту. И это, *chica*, никто иной, как ты.

С этого дня Хизер Рене будет агентом Любовничка-латиноса.

Хизер прошла перед ним.

– И это означает, что ты повысишь мне зарплату?

– И еще как, – кивнул он. – Как насчет пятнадцати процентов с каждого выступления?

Хизер громко присвистнула.

– Серьезно?

– Приводишь мне клиента, получаешь гонорар. Я изучил вопрос, Хи. Это более чем справедливо, плюс мы оплачиваем твои дорожные издержки во время гастролой с нашего бизнес-счета. Твое имя появится на альбомах, в общем, все, как полагается.

Тут он протянул девушке руку.

– Ну что, согласна или как?

Хизер широко распахнула глаза, беззвучно открывая и закрывая рот, словно никак не могла отдышаться.

– Но... но... но это так много.

Это было риторическим высказыванием, однако Антон все равно ответил.

– Нет, это именно то, на что я готов пойти, чтобы удержать свою самую талантливую сотрудницу. Ну что, так и будешь держать меня в подвешенном состоянии, или мы договорились?

Хизер протянула руку. Когда они с Антоном обменялись рукопожатием, ладонь девушки дрожала. Без всяких колебаний певец заключил ее в то, что, по моему опыту, было медвежьими объятиями. Я уже имела несчастье угодить в эти ручищи, когда Антон был испуган или обеспокоен.

– Никогда не сомневайся в моей любви к тебе. Хи, ты самая талантливая женщина из тех, кого я знаю. Ты держишь меня на плаву. Знать, что моя сестренка, моя *hermana*, моя *mejor amiga* заботится обо мне и добывает нам самые лучшие контракты, – это просто воплощение моей самой заветной мечты. Извини, что не сделал этого раньше.

Она захлопала носом ему в шею, не сдерживая льющихся по щекам слез. Я обхватила руками собственные плечи, не в силах оставить их наедине. Это зрелище было слишком прекрасным, чтобы добровольно его лишиться.

– Хи, нам понадобится новый персональный помощник. Ты будешь слишком поглощена нашими повседневными делами. О-о-ох, найми маленькую сексуальную пуэрториканочку, а?

В его глазах запрыгали чертики, а по губам скользнула сексуальная ухмылка.

Хизер яростно тряхнула головой.

– Ну уж нет. Ты затащишь ее в постель через пять секунд. Я найму мужчину-гея! И точка. Чтобы ничто не отвлекало ни меня, ни тебя.

Антон пожал плечами.

– Кайфоломка.

Он крутанул ее в воздухе и поставил на ноги.

– А теперь можешь позвонить этому *bastardo*, который пытался украсть тебя у меня, и сообщить, что ты уже занята, что получила повышение, и что он может проваливать ко всем чертям? Если я увижу этого грязного *hijo de puta*, ему не поздоровится. Он пытался отнять у меня мою девочку.

– Вообще-то он очень милый, – хмыкнула Хизер.

Антон резко развернулся и уставился на нее, оскалив зубы.

– Ну ладно, ладно. Скажу ему сегодня, что не заинтересована.

Взгляд Антона смягчился, и певец улыбнулся.

Тут я на цыпочках вышла из зала и направилась в свою квартирку, дом вдали от дома. Теперь в мире все было правильно. Ну, то есть в мире Антона и Хизер. Что касается моего с Уэстоном мира, то это еще предстояло узнать. Завтрашний день все покажет.

Изучив собственное отражение в зеркале, я решила, что наряд подходящий. Верхняя часть черного платья облегающая, с тонкими бретельками, широкая юбка вразлет, подол на пять сантиметров выше колен. Выглядело симпатично. Я снова оглядела себя спереди и сзади. Я чувствовала себя сексуальной, юной, модной и все-таки собой. Неформальной Миа. Вместо того чтобы нацепить подходящие к платью высоченные шпилосы, я осталась стоять босиком. Уэс должен был скоро приехать, и я понятия не имела, какие у него планы. Поговорить? Заняться любовью? Получится ли наша встреча неловкой – ведь мы не виделись с ним лично с того переписхончика в марте?

Переписхончик. Я поморщилась. Прозвучало слишком шлюховато на мой вкус. К тому же Уэс шкуру бы с меня спустил, если бы я назвалась шлюхой. Вероятно, он считал мартовский сеанс безудержного секса чем-то вроде расширенной версии нашей с ним дружбы с бонусами. Это напомнило мне о нашей первой с ним встрече.

– За что пьем? – спрашиваю я.

– Может, за то, чтобы стать друзьями?

Ухмыляясь, он кладет теплую ладонь мне на бедро – намного выше, чем мог бы позволить себе «друг». Однако ощущение приятное.

– Близкими друзьями.

Он опускает взгляд на мои губы, и я прикусываю нижнюю.

– Включая бонусы в форме секса по дружбе? – спрашиваю я, для максимального эффекта заламывая бровь и скрещивая ноги.

Ладонь Уэса скользит вверх на пару сантиметров, пока не касается обнаженной кожи моего бедра.

Его взгляд полностью фокусируется на мне, и под этим пламенным взором мне становится тепло, даже горячо.

– Надеюсь на это, – шепчет он, придвигаясь еще ближе.

Да, это было началом того, что совершенно неожиданно для меня превратилось в нечто гораздо большее. Всё больше и больше дружбы, больше веселья, больше жизни и, самое главное, больше любви. В квартире раздалась трель дверного звонка, слишком громкая в этом огромном пустом пространстве.

Глубоко вздохнув, я расправила плечи, взялась за дверную ручку и потянула ее на себя. И мне предстал он – сверкающий, словно отблески калифорнийского солнца на волнах Тихого океана. Невероятное совершенство.

– Уэс... – вот и все, что я сумела выдохнуть, прежде чем он положил ладонь мне на живот и оттолкнул на пару шагов в глубь квартиры.

Затем он швырнул сумку на пол, пинком ноги захлопнул дверь и подхватил меня на руки. Не успела я и глазом моргнуть, как его губы уже прижались к моим. Я ахнула, и его язык, пахнувший мятой, нырнул внутрь. Языки заплясали, вспоминая друг друга. Руки судорожно зашарили по телам, узнавая их по-новому. Не прошло и пары секунд, как меня уже прижали спиной к двери. Мои ноги обвивали его талию, его руки тискали мою задницу, а мои зарылись в волосы у него на макушке. Я вцепилась в Уэса, припав к его рту словно женщина,

томимая свирепой жаждой и уже несколько дней не видевшая ни капли влаги. У его губ был вкус мяты с легким оттенком алкоголя. Мохито. Ухмыльнувшись, я с силой присосалась к его губам. Он застонал и прижал свой обтянутый джинсами ствол прямо к ноющему комку нервов у меня между ног. Вскрикнув, я оторвалась от его рта. Пока я жадно глотала воздух, его губы уже зашарили по моей шее, посасывая, покусывая, пробуя на вкус.

– Никак не могу насытиться тобой. Боже, я должен попасть внутрь...

Его рык прозвучал приглушенно – он уже успел приложиться к моим пышным полушариям, оттянув верх платья.

– Я тоже хочу тебя.

Заставив Уэса поднять голову, я вновь присосалась к его губам. Я смутно слышала, как мои трусики трещат по швам, и ощутила мимолетную боль, когда Уэс сорвал их с меня, чтобы поскорей добраться до моей киски. Затем он сильнее прижал меня к двери. Я застонала, чувствуя, как костяшки его пальцев давят на увлажнившуюся киску, пока он расстегивал пряжку и молнию на штанах.

– Я сейчас возьму тебя. Жестко. Вновь сделаю своей.

Он сильно прикусил мою губу, одной рукой обхватив задницу, а другую просунув мне за спину и сжав плечо.

– Черт, Миа... – взревел он, всаживая в меня член на всю длину.

– О-о-о боже...

Голова закружилась от наслаждения. Все мышцы в моем теле напряглись, со скоростью разгоняющегося поезда приближая меня к катарсису. Так быстро. С Уэсом оргазм всегда был гарантирован. С каждым толчком, с каждой новой фрикцией я рассыпалась на части. Каждая клеточка потрескивала от желания, как наэлектризованная, и в любую секунду я готова была взорваться.

– Сейчас я кончу... – предупредила я.

Уэс лизнул мою шею.

– Уже? – прорычал он сквозь сжатые зубы и резко втянул воздух. – Черт, твоя киска соскучилась по мне. Боже, детка, она обвила мой член как лоза. Так. Чертовски. Туго. И. Все. Это. Мое.

Это заявление и еще один мощный толчок вкупе с давлением его лобковой кости на мой О-спуск – и все, дело в шляпе. Вскрикнув и содрогнувшись так, что даже пальцы ног поджались, я вцепилась в Уэса, который с силой долбил и долбил меня, и через пару секунд кончил сам с громогласным рыком. Его тело обмякло, связанное с корнем, который продолжал поить меня своей влагой. Дыхание Уэса сильными толчками щекотало мою шею, и лишь теперь я почувствовала, как в спину больно врезается створка двери.

Несколько секунд спустя, когда наше дыхание чуть успокоилось, я заставила его поднять голову, которую он до того прижимал к укромному местечку на моей шее, и взглянуть на меня. Уэс лениво ухмыльнулся.

– Я скучала по тебе, малыш, – тихо сказала я, заметив в собственном голосе непривычные робкие нотки.

Он хмыкнул и потерся лбом о мой лоб.

– Я заметил. Но явно не так сильно, как я по тебе, учитывая, что я накинулся на тебя прямо с порога.

Я улыбнулась и поцеловала его, вложив в этот поцелуй всю свою радость, восторг и сожаление о времени, проведенном вдали друг от друга.

– Ну и хорошо. Если ты не заметил, – я сжалась вокруг его слегка обмякшего, но все еще полуэрегированного члена внутри меня, – я была целиком за.

Тут я подмигнула и убрала ноги с его талии, недовольно застонав, когда наши тела разъединились.

– Хочешь выпить? Вздремнуть? Пойти на следующий круг?

Он рассмеялся, и этот звук барабанной дробью отозвался у меня в груди. Я любила его смех.

– Может, и не в таком порядке – но, думаю, душ, еда, еще один заход, а затем можно и вздремнуть, – поиграв бровями, ответил он.

Я одернула юбку.

– Да, кстати, раз уж мы об этом заговорили, я зверски проголодалась.

Вероятно, потому, что ничего не ела, так как слишком нервничала при мысли о том, что снова его увижу.

– Давай я позвоню в доставку, пока ты принимаешь душ?

– Но я хотел принять душ в твоей компании, милая, – нахмурился он.

– Тогда до гастрономической части твоего плана мы, боюсь, никогда не доберемся, – ответила я, склонив голову к плечу и подбоченившись.

Уэс оценил мою позу, после чего улыбнулся и покачал головой.

– Душ там? – спросил он, указывая на дальнюю часть квартиры.

– Ага. Я закажу нам что-нибудь поесть. Давай, сотри дорожную грязь и, ну, ты знаешь...

Я ткнула пальцем в общем направлении его нижних регионов.

– Мой член? Хочешь, чтобы мой член был чистеньким, радость моя?

Он ухмыльнулся, и сексуальный изгиб этих губ сразил мою киску наповал – робкая пульсация, зарождавшаяся там, переросла в оглушительный ритм.

Я поежилась, сжала ноги и фыркнула, пытаясь сделать вид, что эта пошловатая дискуссия никак на меня не повлияла.

– Эй, если хочешь остаться с грязным членом, дело твое. Но я уж точно не возьму его в рот после шестичасового перелета и потовыжималки у двери. Иди вымойся. Я позабочусь о провизии, а потом мы сможем наверстать упущенное.

Уэс развернулся на каблуках и направился к ванной.

– Если в процессе наверстывания упущенного мне удастся провести как можно больше времени между твоих ног с участием этого...

Тут он сжал свой обтянутый джинсовой тканью член в руке таким вульгарным жестом, что я захихикала.

– ...и этого, – он пошевелил пальцами.

– ...и вот этого, – добавил он, побарабанив по собственным губам, – то, значит, я жил не зря.

Я закатила глаза и покачала головой, не отвечая, чтобы Уэс не задерживался, хотя он и так отлично знал, что его слова произвели на меня надлежащий эффект. Вот тут я и почувствовала, как наши смешавшиеся соки текут по внутренней поверхности моих бедер. Вот засада. Он сорвал с меня трусики. Никаких барьеров. Мне срочно нужно было полотенце – а потом, возможно, придется присоединиться к Уэсу в душе.

Набив животы лучшими в Майами суши и яичными роллами, мы с Уэсом свернулись на кушетке. Он размеренно поглаживал мои волосы. Я оставила их сохнуть, пока мы ели и общались. А теперь мы просто наслаждались тем, что были вместе. Я не могла припомнить ни одного случая, когда с мужчиной, к которому я равнодушна, все сводилось бы к таким простым вещам. Никакой спешки, никакого стресса, никаких драм – просто быть друг с другом. Так приятно. И даже более чем приятно – именно в таких отношениях мне хотелось укорениться, чтобы они переросли в нечто гораздо большее, в нечто долговременное.

Не сказав ни слова, Уэс встал и взял меня за руку. Я пошла за ним, потому что сейчас я, скорей всего, пошла бы за ним куда угодно. Он отвел меня в спальню. Небо за окнами окрасилось во все оттенки розового, оранжевого и лилового – садилось солнце.

Уэс развернул меня лицом к окну. Мы сейчас стояли в высотке с видом на океан. Океан всегда напоминал мне о времени, проведенном с ним. Уэс обнял меня за талию и притянул к себе.

– Завтра утром займемся серфингом.

Улыбнувшись, я прижалась к его спине.

– Было бы здорово.

Посопев мне в шею, он продел пальцы под бретельки платья. Я накинула его после душа, не надев лифчик. Эй, у девушки могут быть свои планы. Уэс оттягивал ткань вниз, пока платье не упало к моим ногам. Я перешагнула его и пинком отшвырнула в сторону. Руки Уэса легли мне на талию, а затем медленно поползли вверх, к ребрам. По моей коже побежали мурашки. Его широкие ладони добрались до моей груди и благоговейно ее обхватили. Ахнув, я зажмурилась и подалась вперед, навстречу этим рукам.

– Скучал по ним. Лучшие сиськи из тех, что я видел.

Он покрыл мои плечи легкими поцелуями.

– Лучшие из тех, что я трогал.

Он стиснул их, задавая ритм, от которого мои бедра начали поддавать вперед на автопилоте.

– Такие чувствительные к прикосновениям, – промурлыкал он мне в затылок.

– Только к твоим прикосновениям, – пробормотала я и потерлась затылком о его мускулистую грудь.

– Неужели?

Он снова что-то замурлыкал. Я сосредоточилась на легких, как перышко, прикосновениях его пальцев. Они нежно играли с моей грудью и сосками в ласковом, любовном массаже. Меня охватил жар – медленное, как поток лавы, ощущение, распространявшееся от сосков и дальше, чтобы прочно угнестись у меня между бедрами. А затем он заговорил снова, сразив меня наповал, напомнив об одной из лучших ночей в моей жизни.

– Правило первое, – начал он, и я широко улыбнулась, не в силах сдержать острую радость предвкушения.

– В течение следующих трех дней у нас будет сумасшедшее количество секса.

– Трех дней?

Он сильно стиснул оба напрягшихся соска, отсекая все дальнейшие мысли. Я вскрикнула, вспоминая это чувство и неистово радуясь тому, что теперь, после долгих месяцев, вновь была в его руках. В присутствии этого мужчины все страхи и сомнения разлетались прочь. Лишь его прикосновения я жаждала, хотела, мечтала о нем больше любых

других. Моя щелочка расслабилась и тут же сжалась, ощутив лишь пустоту. Он нужен был мне там, именно *там*. Чтобы довести меня до блаженства.

– Кажется, я припоминаю это правило, – выдохнула я, еще сильнее прижимаясь к нему спиной, прижимая зад к его твердому члену.

Ох, пресвятая мать всего сущего, как же мне не хватало этой стальной длины! Несмотря на то, что сегодня мы уже занимались сексом, нам очень многое еще предстояло наверстать.

Уэс хмыкнул в ответ и ущипнул оба соска так, как умел только он. Правильно. Электрические искры наслаждения побежали по моим сиськам, как по проводникам, к клитору, который запульсировал и занял от желания подвергнуться сладкой пытке.

– Правило второе, – продолжил он, – никакого секса на стороне.

На этот раз рассмеялась я, но Уэс тут же отомстил мне, выкрутив и полоснув ногтем сверхчувствительные, набухшие бутоны. Я застонала и задрожала в его руках.

– И второе я тоже помню, – выдавила я. – Только раньше это было на месяц. А на сколько теперь?

Мое сердце сжалась. Я не была уверена в том, ощущает ли Уэс такое же напряжение и предвкушение. Он ведь не знал, что все для меня изменилось, что мои прошлые взгляды на наши отношения вылетели в трубу, завывая, как призрак в ночи.

Уэс ущипнул меня за соски, оттягивая их до той точки, когда удовольствие и боль сливались в единую симфонию похоти и желания.

– Срок не ограничен.

Его голос прозвучал хрипло – низкое рычание, отдававшееся в моей спине. Уэс провел зубами по моему плечу и вонзил их точь-в-точь в то же самое место, куда меня укусил Аарон. Я ожидала, что меня снова перенесет в прошлое. Но вместо этого мое тело содрогнулось в умелых руках, и все мысли исчезли, кроме неистового желания обладать им. Моим Уэсом.

– И это означает, что ты порвешь с другой своей... подругой?

Я зажмурилась и задержала дыхание, боясь даже надеяться на то, что мое желание исполнится. В прошлом мне никогда не удавалось получить от любимых мужчин то, чего мне хотелось. Ни разу. Казалось, это закодировано у меня в генах. Ген под названием «поматросить Миа и бросить» был прочно вмонтирован в мое сердце. Мне так хотелось, чтобы Уэс помог мне избавиться от этого страха неизвестности и дал мне силу вновь довериться мужчине. Довериться *ему*. Разомкнуть цепи, сковывающие мое сердце, широко распахнуть его навстречу Уэсу и впустить его внутрь.

– Покончил с этой дружбой, когда трахал тебя по телефону.

С нашей ночи секс-смсок прошел уже целый месяц. Срань господня, он и в самом деле серьезен. По спине пробежал холодок, но в то же время меня до краев переполнило желание чего-то большего.

– Правило третье: мы *всегда* спим в одной кровати. Мы же не хотим путать наши отношения с тем, чем они не являются.

Я терлась об его член до тех пор, пока он не застонал. Положив руку мне на бедро, Уэс принялся круговыми движениями тереться о мои булочки.

– М-м-м. И, э-э, чем же они являются на сей раз?

Завершить наш разговор становилось все труднее, потому что член Уэса у меня за спиной был уже тверже строительного бруса. Мои трусики промокли насквозь от этой сладкой пытки.

Уэс отвел бедра назад, и я чуть не разрыдалась. Я даже пробовала протестовать, но он

крепко держал меня, нагнув мою голову вбок и лаская губами изгиб шеи. И тут он разнес мой мир на части.

– Милая. Ты, я... это рай. И, начиная с этого дня, куда бы ты ни поехала и что бы тебе ни пришлось делать оставшуюся часть года, этот рай будет ждать тебя с распростертыми объятиями.

Рай. Уэс не солгал. То время, что мы провели вместе, месяц в Калифорнии и продолжение в Чикаго, все звонки, сообщения – все это было частью одного целого. Того места, куда я могла отправиться и оставаться собой, жить, быть счастливой.

– А четвертое правило? – почти благоговейным шепотом произнесла я.

Это был самый главный вопрос. Больше шести месяцев назад мы стояли так же, как сейчас, и он твердо устанавливал эти правила. Четвертое правило гласило, что мы никогда не должны влюбляться друг в друга. Сердце билось у меня прямо в горле. Я выгнулась, словно кошка. Его пальцы мяли и сжимали мои соски с удивительной деликатностью – так ко мне не прикасались уже слишком долго. Однако он по-прежнему не отвечал. Тревога, паника и желание вскипели в моей душе. Я крутанулась на месте и повисла у Уэса на шее, погрузив пальцы в его волосы и заставив наклонить лицо ко мне. Его глаза были такими зелеными, что у меня горло перехватило от красоты и грации невероятного создания по имени Уэстон Ченнинг.

Он с обожанием улыбнулся мне, и я прижалась к нему сильнее.

– К чертям четвертое правило. Я нарушил его шесть месяцев назад, когда влюбился в тебя.

На моих глазах выступили слезы, так, что очертания его фигуры размылись. Я рефлекторно сглотнула, борясь с комком в горле.

– Уэс, я...

– Я знаю, милая. Что-то в тебе изменилось. Начиная с моего приезда в марте и до наших звонков, сообщений, и этой фигни с Джи...

Я прижала палец к его пухлым губам, в которые мне так и хотелось впиться жгучими поцелуями. Последнее, что мне хотелось слышать из этого сексуального, как сам секс, рта – это ее имя, причем сейчас, когда я как раз собиралась признаться в любви к нему.

– Не сейчас, не здесь, где только мы с тобой.

Мой голос дрогнул. Уэс кивнул.

– Скажи мне то, что я *хочу* услышать, Миа. То, что мне *нужно* услышать. Я *заслуживаю* это.

Его тон требовал абсолютной честности.

Хочу. Нужно. Заслуживаю.

Так и было. Все это было правдой, и после шести месяцев отговорок, попыток отрицать очевидное, желания отрицать очевидное я наконец-то расслабилась. Впервые в жизни я собиралась получить что-то для себя. Что-то хорошее, доброе и только мое.

Мой Рай.

Глядя в эти бездонные зеленые глаза, перебирая пряди небрежно растрепанных каштановых волос и лаская губами его колючий подбородок, я наклонилась к нему так близко, что – неважно, насколько бы тихо я это ни произнесла, – он бы все равно услышал.

– Я люблю тебя, Уэс.

Когда смысл моих слов дошел до него, его руки до боли сжали мое практически обнаженное тело. Я чувствовала, как напряжение выплескивается из него мощными

всплесками энергии.

– На сей раз я тебя не отпущу.

Его голос прозвучал хрипло и властно, но я знала, что за резкостью скрываются бушующие у него в груди чувства.

– Я люблю тебя.

Я поцеловала Уэса в щеку, и его хватка чуть ослабла.

– Я люблю тебя.

Поцеловала в брови, и он вздохнул.

– Я люблю тебя.

Поцеловала в губы, и он открылся мне.

Не прошло и пары секунд, как меня впечатали спиной в кровать, и тело Уэса нависло надо мной.

– Ты меня любишь?

Ему нужно было от меня это признание, с глаза на глаз, от сердца к сердцу.

– Люблю.

Его лицо просияло широченной, ослепительной улыбкой.

– Милая, я тебе сейчас так задам, что завтра, вполне вероятно, ты не сможешь ходить.

Я ухмыльнулась и взвизгнула, когда он содрал с меня трусики и прикусил сосок. Добившись того, что я начала извиваться и пыхтеть, почти кончая от его манипуляций с моей грудью, Уэс двинулся ниже, покрывая меня по пути поцелуями.

– Раздвинь-ка ноги, крошка. Раздвинь пошире. Я собираюсь отведать вкус рая.

Я подчинилась, разведя бедра и целиком открываясь ему. Моя любовь, мое тело – я как будто доказывала в тот момент, что все это принадлежит ему по праву.

Его глаза блеснули, и он провел пальцами по моей киске.

– Такая скользкая. Мне нравится, как ты на меня реагируешь. Как реагирует твое тело, облегчая мне задачу. Но сначала мне надо отхлебнуть твоего меда. Я мечтал о том, как приложусь к тебе, высосу досуха и начну все с начала. Покрепче сожми простыни, милая, потому что я весь иссох от жажды.

– Грязный ублюдок, – выдохнула я, прежде чем он разложил меня, большими пальцами раздвинул лепестки моего цветка и прижался к нему губами.

Он издал нечто среднее между стоном и рычанием, и его язык погрузился в самую глубь. Так глубоко. Обхватив ладонями мою задницу, он приподнял мои бедра и зашел на всю длину. Я взвыла, изо всех сил вцепившись в простыни и позволяя ему взять меня. Не прошло, кажется, и двух секунд, как я кончила прямо ему на лицо. Заурчав, словно насытившийся зверь, Уэс сел, облизнул губы и протер запястьем рот. Нацелив член, он резко вошел внутрь, вогнав его по самый корень.

Я передернулась – мое тело все еще было натянуто, как струна, после первого оргазма и уже устремилось ко второму.

– Боже, Уэс. Ты, моя погибель, – задыхаясь, пролепетала я.

Теперь, когда он мощно двигался во мне, разум покинул меня окончательно. Я обвила ногами его бедра.

– Милая, я надеюсь быть твоим началом, твоей погибелью и всем, что между ними. А теперь заткнись. Я занимаюсь любовью со своей женщиной.

От этого «занимаюсь любовью» мое сердце затрепетало, как лист на ветру. А затем Уэс твердо вознамерился посвятить вечер занятиям любовью со своей женщиной...

неоднократным. Хотя где-то посреди ночи я сумела убедить его, что означенная женщина нуждается в том, чтобы ее хорошенько отжарили. Тогда он ловко поставил меня на четвереньки, шлепнул по заднице и долбил до тех пор, пока я не заорала от наслаждения во весь голос.

Волны разбивались о доску, вода хлестала меня по лицу, и счастье мое было безграничным. Уэс, подтянутый и мускулистый, греб вперед как машина – на сей раз он твердо намеревался поймать волну. Долю секунды спустя он уже стоял во весь рост и рассекал воду. Я последовала за ним, и – о чудо! – поймала свою собственную, намного более скромную волну. Но все равно это было чудесное ощущение, и мы вдвоем докатились до самого берега.

Я воткнула свою доску в песок, а Уэс держался на своей волне до тех пор, пока не смог прыгнуть. Затем он сунул доску под мышку и подошел ко мне. Его рука легла мне на затылок, губы прижались к моим. Наши языки плясали все ожесточенней по мере того, как поцелуй накалялся. Рука, не поддерживающая мою голову, отпустила доску, и Уэс стиснул мою обтянутую неопреном задницу, ритмично ее сжимая. Затем, приглушенно рыкнув, он отстранился и мотнул шевелюрой, обдав все вокруг солеными каплями. После чего растянул и спустил с плеч верхнюю часть гидрокостюма, обнажая золотисто-бронзовую мокрую грудь. Мне так и хотелось наброситься на эту горячую конфетку по имени Уэс. *Мой Уэс*, напомнила я себе.

– Кое-кому, похоже, нравится то, что она видит. Продолжай в том же духе, милая, и твоя попка окажется на песке, а мой член – в тебе.

В ответ на это головокружительное обещание в моей душе запели колокола. Следует признать, что план Уэса меня ничуть не смутил. Более того, я готова была предпринять решительные шаги, чтобы эта угроза осуществилась.

Уэс тряхнул головой, ухмыляясь, как школьник, которому ответила взаимностью девчонка. Что ж, эту девчонку он определенно заполучил.

– Сегодня у тебя выходной, да?

– Ага, – кивнула я. – Я сказала Антону, что мне нужен еще один день, но завтра придется репетировать, потому что послезавтра уже запись.

Уэс обнял меня за плечи.

– Тогда ты моя, целиком и полностью.

Вместо того чтобы признать, насколько верным сейчас было это высказывание, я просто улыбнулась. Меня абсолютно устраивало шагать по песку рядом с Уэсом, чувствуя его руку на плече.

– Ну что, идем домой?

Я даже не пыталась стоять из себя пайнюку, не делая секрета из своих намерений. Я долго жила вдали от Уэса и, хотя и предавалась радостям плоти с Таем и Алеком, все это было не то. Любовью там и не пахло. Раньше, с другими мужчинами, это было просто развлечением. Значимым, да, частью моего путешествия, верно. Однако с Уэсом это просто стало... чем-то большим.

Уэс поднял свою доску, затем мою. Что ж, рыцарство в этом мире еще живо. Мы подошли к прокатному киоску на пляже и вернули доски и костюмы. Я снова натянула свои джинсовые шорты, майку и кеды. Уэс облачился в бриджи, лодочные туфли и футболку и сжал мою руку после того, как я наконец-то собрала волосы в неряшливый узел на макушке.

Уэс взял напрокат внедорожник. Он тронул машину с места, не снимая ладони с моего обнаженного бедра – словно хотел напомнить себе, что я все еще рядом, – осенил меня

дерзкой улыбкой и вырулил на Оушен-драйв. Я решила, что лучше мне просто понежиться в лучах жаркого солнца Майами, наслаждаясь молодостью и влюбленностью. Я испытывала подобное чувство не впервые, но в первый раз за очень долгое время мне хотелось верить в него, и я искренне радовалась тому, что оно наполняет каждую клеточку моего тела, мчится по венам и ускоряет пульс.

Мы подъехали к дорожке, ведущей к грандиозному особняку.

– Где мы? – спросила я Уэса, который вышел из машины, обогнул ее и открыл дверцу с моей стороны.

Сжав его руку, я выпрыгнула наружу и сдвинула очки на лоб, чтобы получше разглядеть пышные сады и историческую постройку.

– Музей Визкайя и сады. Я уже давно хотел здесь побывать, много читал о нем, и, по моему, это будет идеальной локацией для съемок следующего фильма по сценарию, над которым я сейчас работаю.

Он взял меня за руку, и мы вошли. Заплатив за билеты и уяснив правила поведения для туристов, мы могли свободно бродить по дому и парку. Уэс вел меня через анфиладу комнат, и я едва успевала смотреть по сторонам. Богатые коллекции произведений искусства, до абсурда роскошные спальни, где не стыдно было бы поселиться и королю. Кто знал, что подобные места существуют вне узкого круга невероятно богатых и знаменитых? И только потом до меня дошло. Черт. Уэс был богатым и знаменитым. Я не могла припомнить, миллионер он или уже миллиардер. Впрочем, это не имело для меня значения. Деньги нужны были лишь затем, чтобы обеспечить себе все необходимое для жизни плюс еще немного на то, чтобы слегка украсить эту жизнь. Горы наличности для счастья мне были ни к чему. Нет, я хотела получить ровно столько, чтобы снять папаню с крючка и продолжить жить своей жизнью.

Уэс надолго замолчал. Оба мы были целиком поглощены великолепием этого места, его историей и тем вниманием, которое декораторы уделили мельчайшим деталям. Каждая комната особняка была по-своему уникальной, рассказывающей историю жизни одной семьи. Семьи, не оставившей потомков, но пожертвовавшей этот особняк округу Майами-Дейд, который сумел сохранить его в превосходном состоянии. Поместье приносило округу прибыль и было излюбленным местом проведения свадеб и киносъемок, и к тому же позволяло остальным девяти процентам населения подивиться на невероятное богатство предыдущих владельцев. Здесь царила магическая, почти сказочная атмосфера, присущая столь помпезным местам. Наверное, как в каком-нибудь замке.

– Ты покажешь мне какой-нибудь замок? – спросила я, бредя по длинному коридору.

Художественная коллекция Визкайи была практически бесценной – некоторые предметы относились к эпохе Ренессанса.

Уэс откинул голову и зажмурился, а затем резко открыл глаза, как будто прочищая зрение.

– Конечно же. В Германии есть пара потрясающих замков. Можем съездить туда.

Вот так просто. Можем съездить туда. *В Германию*. Именно так и живет один процент. Я никогда не уезжала дальше Гавайев. Мне никогда не выпадала возможность заработать столько денег, чтобы их хватило на оплату международного рейса.

– Разве это не дорого? – спросила я, стараясь не выдать беспокойство, охватившее меня после простого ответа «мы можем съездить туда».

– Не для меня, – пожал плечами Уэс. – Капля в море, милая.

Капля в море. Для человека с такими средствами поездка в Германию была каплей в море. Черт. Когда-нибудь нам придется поговорить о его бешеных богатствах и моей вопиющей нищете. «Сьюзи», мой межколенный скакунок, была самой ценной из принадлежавших мне вещей, и она стоила даже меньше подержанной «Honda Civic».

Я глубоко вздохнула и сильнее сжала его руку. В тот миг я пообещала себе, что не позволю деньгам встать между нами. Если ему хотелось потратиться на поездку в Германию, ладно, он в курсе, что ему по карману, а что нет. Я ни за что не стала бы превращать своего мужчину в подкаблучника, но поговорить об этом, когда все закончится, было необходимо.

Через двустворчатую остекленную дверь мы вышли наружу, где до самого горизонта раскинулись зеленые рощицы и искусно подстриженные лужайки.

– В прошлом эта вилла и поместье принадлежали бизнесмену Джеймсу Дирингу, из Deering-McCormick-International Harvester, – наконец-то заговорил Уэс.

Для меня это ровно ничего не значило, но я слушала и кивала. Он явно увлекся историей поместья, а я, если говорить откровенно, чувствовала себя так, словно очутилась в книге «Таинственный сад» – и это было просто невероятно.

Уэс стоял на верхней площадке лестницы, ведущей вниз, в один из многочисленных садов.

– В комплекс парков Вискайи входят сады итальянского ренессанса, парк с местной растительностью и оригинальные исторические постройки, окружавшие особняк. Великолепно, да? – спросил Уэс, пока мы шли с ним, держась за руки.

Парки действительно были чудесными и явно влетали округу в копейчку. Все было аккуратно подстрижено и выглядело безупречно. Вычурные газоны и купы деревьев напоминали мне лабиринты и кружева в деревенском стиле. Уэс указал на один участок.

– Местный ландшафтный дизайн и архитектура возникли под влиянием итальянского ренессанса Тосканы и округа Венето и разработаны в стиле средиземноморского возрождения с элементами барокко. Главным дизайнером и художником был Поль Шальфен.

Я вдохнула полной грудью, наслаждаясь множеством цветочных ароматов и запахом свежескошенной травы.

– Это и вправду прекрасно.

По-прежнему держась за руки, мы бродили по парку, пока не наткнулись на необычный водопад. Между двумя лестницами располагались один под другим гигантские кувшины. Вода текла по этому ложу из камня и цемента. Мох и минеральные отложения окрасили ступени каскада в зеленый и ярко-оранжевый цвета.

Уэс поставил меня рядом с живописным фонтаном, а сам отступил на пару шагов и поднял телефон. Я улыбнулась, и он сделал снимок.

– Хочу запомнить это, милая, – промурлыкал он, обнимая меня и целуя в шею чуть ниже уха.

Щупальца возбуждения вновь защекотали нервы, возвращая уже привычное радостное головокружение. Я продемонстрировала Уэсу свою самую широкую и искреннюю улыбку во все тридцать три зуба, и, прежде, чем я успела ему помешать, он щелкнул селфи наших улыбающихся физиономий.

– Я хочу копию фото! – заявила я.

Уэс притянул меня к себе, и мы продолжили прогулку бок о бок, только на сей раз соприкасаясь телами от плеч и до бедер. Ни о чем лучшем я и мечтать не могла. Наконец мы наткнулись на какое-то прямоугольное сооружение.

– Ты это видишь? – Уэс с энтузиазмом ткнул пальцем в постройку.

– Э, да, оно довольно большое, малыш, – фыркнула я, но он проигнорировал мою шпильку.

– Это снимали в «Железном человеке-3». Щелкни меня на его фоне.

Рассмеявшись, я взяла его смартфон. Он напряг бицепсы в истинно супергеройском стиле, и я сделала снимок.

– Ты такой смешной! – улыбнулась я, и он снова меня обнял.

– И ты это обожаешь.

Его зеленые глаза так и светились, а лицо разгладилось, став радостным и спокойным. Такое лицо мне хотелось видеть перед собой всегда.

– Я обожаю тебя, – парировала я.

Он резко вдохнул.

– Ты не представляешь, что эти слова делают со мной. Боже, Миа, я не могу тебе описать. Просто чертовски счастлив это слышать. Кажется, будто я всю жизнь ждал, когда их услышу.

Я шутливо шлепнула его по груди.

[Купить полную версию книги](#)